

ЛАЙНА САЛАХ

ОДИНОЧКА

ОДИНОЧКА

Скандал

Алайна Салах

Одиночка

«Алайна Салах»

2023

Салах А.

Одиночка / А. Салах — «Алайна Салах», 2023 — (Скандал)

Мы встречались, когда мне было девятнадцать. «Неудачник. Что ты в нем нашла? Псих неуравновешенный. С ним никакого будущего. Взгляни на себя – где ты, а где он» – так говорили все без исключения. И в один прекрасный день он просто уехал, оставив меня один на один с моей любовью. Вернулся спустя семь лет, когда я им переболела и завела полноценные отношения. Теперь кроме общей компании, нас с ним больше ничего не связывает. В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	13
5	16
6	18
7	20
8	23
9	26
10	28
11	32
12	34
13	37
14	39
15	42
16	44
17	46
18	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алайна Салах

Одиночка

1

– Классное место! – выкрикивает Диана и игриво подталкивает меня локтем. – Долго за столом торчать не будем! Надо идти танцевать!

Я машинально стираю с колена несколько капель коктейля, который она небрежно покачивает в руке, и радуюсь, что платье достаточно короткое. Пятна на белом было бы не скрыть, и к тому же обидно испортить подарок Димы.

– Давайте хотя бы пару тостов для именинницы скажем?

Я оглядываю стол, за которым, помимо меня, сидят еще четверо. Сегодня в популярном караоке-баре мы празднуем день рождения моей лучшей подруги. Ксюше исполняется двадцать шесть.

– Ксюнчи-и-ик! – Диана воздевает бокал вверх и энергично ударяется им с каждым. – Ты красотка и умница! Всегда оставайся такой! С днем рождения-я!

Я чувствую раздражение, оттого что праздник дорогого мне человека перестает быть особенным событием и превращается в обычный субботний девичник с кальяном. Под тостами я подразумевала душевный монолог, а не безликий набор слов, произнесенный с намерением выпить.

Воспользовавшись тем, что пение за соседним столом смолкло, а Диана делает селфи, тяну фужер имениннице.

– Ксю, ты, конечно, и так все знаешь, но раз уж сегодня твой праздник, то грех не повторить, да?

Она с улыбкой кивает. «Конечно знаю, Даш, но ты уж говори-говори».

– Очень важно иметь такого человека, которому можно позвонить в любое время и знать, что он будет рад тебя услышать. Для меня такой человек – ты. Самая близкая подруга, женщина, которой я восхищаюсь. Надеюсь, ты всегда держишь в уме, что тоже можешь позвонить мне в любой момент. Будь счастлива, моя хорошая! Я тебя очень люблю.

Чокнувшись, мы обнимаемся через стол. Ксюша успевает шепнуть мне на ухо «я тоже тебя люблю», прежде чем по залу прокатывается немелодичное завывание. По мне, так плохая идея – пытаться читать рэп в караоке.

– Прошу заметить, что смысл моего тоста был тем же, – с деланной обидой фыркает Диана и кивком указывает на стол. – Дима вон тебе звонит. Успел, видать, соскучиться.

– Алло. – Прикрыв динамик рукой, я машинально оглядываюсь в поисках места потише. – Что-то случилось?

– Нет, просто так звоню. Как у вас дела? Весело?

– Да, всё отлично. Шампанское заказали. Песни еще не пели и даже не выбрали.

– Ладно. Позвони мне, как домой соберешься. Я за тобой заеду.

– Хорошо. Здесь музыка громко играет, так что имей в виду, что звонок я могу не услышать.

Закончив разговор, убираю телефон в сумку и тянусь за фужером.

– Вот это любовь! – Диана театрально прикладывает руку к груди и закатывает глаза. – Ни минуты друг без друга не могут.

В нашей компании на ее выпады давно никто не обращает внимания, и я не исключение. Отпуская язвительные комментарии, Диана безопасно утилизирует агрессию, накопленную за

годы проживания с отцом-алкоголиком. По крайней мере, так говорит наша подруга Карина, которая учится на психотерапевта.

– Ладно, хватит шампанское сосать! – Диана по-свойски хватается меня за руку и тянет вверх. – Танцевать пойдем! А то у меня от сидения жопа квадратной стала.

Поморщившись, я пытаюсь высвободить руку, хотя и знаю, что Диану таким вялым сопротивлением не пронять. Как итог, через несколько секунд мы втроем, включая Карину, оказываемся стоять перед сценой среди других танцующих. Если вообще можно назвать танцами попытки попасть в такт монотонного рэп-бита.

– Давайте сегодня веселиться как следует, девочки! – громко наставляет Диана, приобняв нас с Кариной за плечи. – Пусть Ксюхина днюха разбомбит этот сарай!

К счастью, меньше чем через минуту звучит новая композиция, куда более легкая и мелодичная, и двигаться получается более слаженно. Я лет сто не танцевала. Даже дома перед зеркалом. Сначала нервотрепка с аспирантурой, потом поиски работы, дальше ремонт в квартире... А танцевать нужно... Как там гласит опросник из интернета? «Спроси себя, когда ты в последний раз пела, наслаждалась музыкой и танцевала?» В моем случае – прошла целая вечность.

Качнув бедрами, я поворачиваюсь в сторону стола, где осталась сидеть Ксюша, и маню ее к себе. В отличие от меня, подругу не так просто затащить на танцпол. *«Пойдем к нам? Тут весело».*

Она морщится и отрицательно трясет головой. *«Нет, не пойду. Пока не хочется».*

Я собираюсь сгримасничать в духе «Ну ты и бука», но черты лица вдруг обмякают, словно накрахмаленная ткань, опущенная в воду. Причина этому – тень, промелькнувшая возле входной двери. Она показалась мне знакомой. Просто мираж, ничего особенного. Бывает. Это точно не повод прекратить танцевать.

Диана тем временем явно задалась целью привести угрозу «разбомбить этот сарай» в жизнь, что подтверждает ее активный и весьма откровенный твερк, к которому не остаются равнодушными парни за соседними столами. Самый смелый даже пристроился сзади и теперь имитирует грязный животный танец.

– Как всегда, – комментирует Карина. – В психологии это называется «замещение». Ей в детстве не хватило внимания отца, и теперь она пытается компенсировать это другими мужчинами.

Будто в опровержение этих слов танцпол заполняет разгневанный голос Дианы:

– Эй! Ты охерел, козлик? Руки с меня убрал! Я тебе кукла резиновая, что ли, музозвонице?!

По коже за секунду разлетается противное покалывание, которое концентрируется на позвоночнике и между лопаток. Так мое тело реагирует на приближающуюся угрозу.

– А ты чего грубишь-то, сучка? – не задерживается ответный рык. – Жопой трясла, как резиновая...

Звучит отборная брань, и от каждого слова у меня воспаляются нервы. Только когда Диана едко выплевывает: «Пошел ты на хуй», наконец отмираю и срываюсь с места, чтобы ее увести. С детства во мне живет уверенность, что оскорбительнее этих слов ругательства не существует и, после того как они произнесены вслух, непременно последует расплата. За свои двадцать шесть лет я ошибалась слишком часто, но, к прискорбию, не в этот раз.

– Охерела, шавка? – рывкает парень и злым движением толкает Диану в плечо.

Некрасиво взмахнув руками, она отшатывается назад и влетает прямо в меня, спешащую ей на помощь.

Копчик взрывается острой болью, за ним – подвернутая лодыжка. Следом жжет глаза. Это потекли слезы. Больно и унижительно. Унижительно и больно. Таковы причины, по которым я, сидя на полу, плачу.

– Что ты наделал, урод?! – взвизгивает Диана, которую я в эту самую минуту по-настоящему ненавижу.

На полу грязно, а у меня белое платье, которое сейчас задрано до трусов на глазах у толпы людей. Больно и унижительно. Я ведь так давно не танцевала... Хотела, чтобы день рождения Ксюши был особенным. Просто хотела помочь...

– Придур конченный...

– Подругу свою уйми, – вдруг звучит прямо надо мной.

В эту самую секунду я точно знаю, что обращаются не к Карине, не к подоспевшей Ксюше и не к кому-то еще, а именно ко мне. Я слишком много раз слышала этот голос, чтобы засомневаться. Низкий, произносящий слова так, будто делает им одолжение. Забываются и боль, и растекшаяся тушь, и унижение. Мне не показалось. Не показалось. Тень – это был *он*.

Мы не успеваем встретиться глазами, потому что уже в следующее мгновение Адиль замахивается и ударяет обидчика в лицо. Без разговоров и с удовольствием, как делал это всегда.

– Сейчас охрана их разнимет, – слышу я дрожащий шепот Ксюши рядом и обхватываю ее руку, помогающую подняться. – Вставай, Даш. Поехали отсюда.

2

– Спорим, не так ты хотела отметить свой день рождения? – горько усмехаюсь я, размешивая молочную пену в чашке с капучино. – Очень жаль, что так получилось.

– В караоке было шумно, а здесь хотя бы поговорить нормально можно. – Ксюша обводит рукой пустой зал кофейни. – Спокойствие и тишина. Дима скоро приедет?

– Да, уже выехал.

Поморщившись, пробую шевелить ногой под столом. Испанский стыд. Сходила, называется, с подругами в караоке. Платье испачкано, макияж растекся, ноет копчик, и теперь мне минимум неделю придется хромать.

– Как ты, Даша? – понизив голос, спрашивает Ксюша.

Я знаю, о чем она, но все равно предпочитаю включить дуру.

– Думаю, у меня просто небольшой вывих. Мазь должна быстро помочь. Дима когда на футболе ногу подвернул, уже через неделю снова бегал.

– Я не про это.

Конечно, Ксюша спрашивает про Адиля и про то, как я себя чувствую после встречи с ним. Только она и мама знают, что со мной творилось после его неожиданного отъезда. Как я сутками лежала на полу и, обняв колени, выла, что не хочу без него жить. Как от еды отказывалась и целый месяц не появлялась на учебе, за что меня едва не отчислили из университета, поступление в который стоило мне кучу нервов и бессонных ночей. Первая любовь, она такая – не знающая полумер, сбивающая с ног, забирающая тебя всю. Тогда мне действительно казалось, что с его отъездом жизнь подошла к концу. Это теперь я знаю, что нет.

– Ты про Адиля? Да я даже разглядеть-то его толком не успела. Узнала по голосу.

– Там потом охранники набежали, – ни к чему сообщает Ксюша. – Разняли их. Думаю, с ним все в порядке.

Опустив глаза, тихонько смеюсь.

– Мне без разницы. Я больше не собираюсь переживать о последствиях его очередного мордобоя.

Чувствую на себе пытливый Ксюшин взгляд и, желая ответить ей тем же, воинственно вскидываю подбородок. *Можешь смотреть сколько хочешь. Мне действительно по фигу.*

– Дима звонит, – указываю я на ерзающий по столу телефон, первой прерывая нашу игру в гляделки. – Подъехал, наверное.

Дима сообщает, что припарковался у входа, однако секунд через тридцать сам заходит в кофейню. Кивает Ксюше в знак повторного приветствия и, положив руки на талию, разворачивает меня к себе.

– Что там у вас случилось, зай? И что с лицом? Ты плакала, что ли?

Я ничего не стала ему объяснять, когда звонила, – сказала лишь, что подвернула ногу, и попросила забрать. Сейчас понимаю, что предпочла бы вообще не обсуждать недавний инцидент, а очутиться дома в кровати и поскорее уснуть, чтобы стереть из памяти этот день.

– В машине, ладно? – Слабо улыбнувшись, я касаюсь губами его подбородка и оборачиваюсь к Ксюше. – Ты куда сейчас?

Перекинув через плечо цепочку сумки, она шутливо пожимает плечами.

– Вернусь в караоке, чтобы оплатить счет, а дальше решу. Честно говоря, тоже с огромным удовольствием поехала бы домой. В двадцать шестой раз любое празднование начнет надоедать.

Мы втроем выходим на улицу, и Дима помогает мне сесть в машину. Нога жутко болит, но я намеренно не жалуясь, чтобы не давать ему повод смотреть взглядом «Я же говорил». Дима изначально был против караоке, потому что там «собирается пьяное быдло» и «это точно

не место для девичника». Я и без того чувствую себя униженной, чтобы вытерпеть малейший упрек.

– У нас мазь есть или лучше в аптеку заехать? – спрашивает Дима, вырвав на пустынную ночную магистраль.

– Есть, – киваю я, уставившись в окно.

В голове оживают голоса: визгливо-скандальный Дианы, грубый, с угрозой – того ублюдка с танцпола и небрежно-холодный Адилья. «Подругу свою угомони». У меня вообще-то имя есть. Если он, конечно, его не забыл.

– Убавь, пожалуйста, кондиционер, – прошу я, растирая предплечья, покрывшиеся гусиной кожей. – Холодно.

Дима выставляет нужную температуру и после опускает ладонь мне на колено.

– Рассказывай уже, зай. Как ты ногу подвернула?

Пожевав губу, я перевожу взгляд на лобовое стекло. Такое даже пересказывать неприятно. Унизительно.

– Мы пошли танцевать... Я, Диана и Карина. К Диане парень пристал, и она ему нагрубила. Он – ей в ответ. Я хотела ее увести, пока чего-то серьезного не случилось, и подошла как раз в тот момент, когда он ее толкнул. Диана влетела в меня, и я упала. Ногу в туфлях подвернула и копчик ушибла.

– Пиздец! – зло выплевывает Дима, повернувшись ко мне: – Ну и чего ты молчала, зай? С этой вашей овцой одни неприятности... Дура, блядь. А тому мудаку надо ебальник раскрошить.

Я незаметно прочищаю горло, чтобы голос звучал естественно.

– Там был Адиль. Он все видел и... В общем, он этого парня ударил.

Тиканье включенного поворотника не смолкает даже после того, как мы проехали нужный перекресток. В повисшей тишине оно кажется особенно громким.

– Робсон говорил, что Адиль здесь, – наконец произносит Дима. Его тон неестественно сухой и безэмоциональный. – Странно, что вы встретились в караоке.

– Обычное место для девичника, – бормочу я, несколько раз проводя пальцами по смятому подолу.

Мысли проносятся в голове со скоростью гоночного болида. Роберт знал, что Адиль в городе? Дима тоже? И давно?

– Вот и я о том. Для девичника обычное, а он-то что там забыл?

– Намекаешь, что это не совпадение? – огрызаюсь я. – Считаешь, мы заранее договорились?

Дима хмурится.

– Да с чего ты взяла-то? Я тебя ни в чем не обвиняю. Просто удивляюсь.

– У тебя не бывает просто, – шепчу, снова отворачиваясь к окну.

– Зай, давай не будем ругаться, ладно? – Дима успокаивающе поглаживает меня по голому колену. – Завтра с утра тебя в травмпункт отвезу. Хочешь, вкусняшек каких-нибудь закажем?

Я мотаю головой. Нет, не хочу.

– Роберт в выходные к себе позвал, – продолжает он. – Хочешь поехать?

– Можно.

Роберт, или Робсон, как его зовут в компании, снимает огромный загородный дом с баней и бассейном. Я только поэтому соглашаюсь: чтобы хоть ненадолго сменить пыльный столичный воздух и бесконечные пробки на уединение и тишину.

– Тогда скажу ему, что мы будем.

Помолчав, Дима снова меня окликает:

– Зай.

Я поворачиваю голову.

– Адиль, скорее всего, тоже будет. Но мы же бегать от него не собираемся? Мне так-то вообще похер, что он думает.

– С чего нам его избегать? – Возмущенная такой идеей, я даже немного повышаю голос. – Мы же не дети маленькие. Никто никому ничего не должен.

– Я тоже так думаю, – хмыкает Дима, вновь фокусируясь на дороге.

Я же тянусь к панели, чтобы еще прибавить температуру. Знобит. Августовские вечера слишком рано стали холодными.

3

– Зай, ты мне футболку запасную не взяла? – Захлопнув крышку багажника, Дима вопросительно смотрит на меня. – Я, похоже, забыл.

– Нет, ты ведь не просил.

Поежившись, я тру грудную клетку, как если бы это помогло избавиться от поселившегося в ней дискомфорта. Немой мандраж – так можно охарактеризовать мое состояние. Весь день не нахожу себе места. Лучше бы Дима умолчал о возможном присутствии Адила в доме Роберта. Время, проведенное в неведении, не дает простора для фантазии, а у меня, как назло, была целая неделя на то, чтобы представить нашу встречу.

– Ты такая милая без косметики. – Перебросив через плечо сумку, Дима приобнимает меня за талию. – Поедем домой, когда захочешь, ладно?

– Я никуда не тороплюсь, – отвечаю я и мельком оцениваю свое отражение в зеркальной тонировке стекол.

Не накрасилась я специально, и оделась в джинсы и простую белую футболку – тоже. Не хотела давать даже намек на то, что пытаюсь произвести впечатление.

Гостей собралось немало, судя по тому, что асфальтированная площадка возле дома сплошь уставлена автомобилями. Среди них я узнаю порше Артура, близкого друга Димы, тойоту Ани, девушки Роберта, и огромный армейский внедорожник Дамира. Взгляд невольно задерживается на приземистом спортивном мерседесе-купе, бока которого покрыты серой дорожной пылью. На фоне ярких глянцевого кузовов по соседству он выглядит отщепенцем.

– Салам, друг. – Роберт, в шортах и без футболки, пожимает руку Диме и приветливо подмигивает мне. – Анька тебя уже заждалась, Даш. Достали ее наши разговоры.

– Бегу спасать, – улыбаюсь я, немного успокаиваясь при виде расслабленного лица хозяина дома. Действительно, почему так разнервничалась? Я нахожусь на привычной территории, в кругу своих друзей. Это не меня, а Адила не было здесь семь лет.

– Ты пьешь, Робсон? – Дима перекладывает пакет с привезенным виски в левую руку и обхватывает мою ладонь. – Думаю, бухнуть или нет. Дашку, если что, попрошу за руль сесть.

– Нет, трезвым как дурак сижу, – шутливо фыркает Роберт. – Я с самого утра с пивком.

– А меня для сначала не спросишь? – вставляю я из духа противоречия. – Может быть, я тоже захочу выпить.

– А ты хочешь выпить, зай? – Дима примирительно пожимает мои пальцы. – Вообще без проблем. Я тогда не буду.

– Да нет, – смутившись, бормочу я. – Пей, конечно. Я все равно больше бокала вина не осилю.

– Так, вроде все со всеми знакомы? – громко объявляет Роберт, когда мы втроем подходим к беседке, где за деревянным столом расположилось около десятка человек.

Приличия требуют обвести глазами каждого и поздороваться, что я и заставляю себя сделать. Улыбнуться Дамиру с Сашей, помахать рукой Андрею и Ядвиге... Каждая новая секунда накаляет нервы все сильнее. Я словно раз за разом жму на курок пистолета, заряженный единственным патроном. Раскручиваю барабан и жму снова, отчаянно надеюсь, что и в этот раз пронесет. Игра, которая с самого начала обречена на провал, ведь *он* находится здесь и пуля рано или поздно сделает свое кровавое дело.

Аня, Артур, Сеня... Выстрел раздается резко и оглушительно. Где-то в параллельной вселенной моя точная копия как подкошенная падает навзничь и заливают кровью пол. В этой вселенной я по-прежнему стою на ногах и даже нахожу в себе силы непринужденно улыбаться.

– Здравствуй, Адиль.

Его глаза из-под надвинутой бейсболки небрежно задевают мое плечо, татуированная рука с зажатой в ней сигаретой тянется ко рту.

– Привет, – говорит он, выпуская в воздух длинную струю дыма. Будто делает одолжение мне и каждой произнесенной букве.

Адиль заметно возмужал, хотя и остался слегка худощавым. Татуировок стало больше – теперь они сплошь покрывают его предплечья и даже пальцы. Еще одна появилась на шее. И черный, судя по одежде, по-прежнему его любимый цвет.

Всё. Два слова от меня, одно – от него. Адиль больше на меня не смотрит, и я на него тоже. Слежу за Димой, который занят рукопожатиями, и невольно отвожу глаза, когда очередь доходит до Адилья.

Закончив с приветствиями, Дима подходит ко мне и, обняв за плечи, тянется, чтобы поцеловать. Кажется, он метил в висок, но поцелуй по случайности приходится в бровь и задевает веко. Дима тоже немного волнуется.

– Ну ты как? Решила, будешь пить или нет?

Я улыбаюсь даже ласковее, чем нужно, чтобы продемонстрировать свою поддержку.

– Нет, не буду. Пей, если хочешь.

– Спасибо, зай. – Дима снова целует меня и похлопывает по ягодице.

Он переигрывает, но вида я не подаю и, коснувшись его плеча, киваю на ту половину стола, где сидит Аня.

– Пойду поболтаю. Веселись.

Поймав взгляд Артура, указываю на место рядом с ним с безмолвной просьбой «Пропустишь?». Он, конечно, пропускает, и уже через пару секунд жаркий шепот Ани врывается мне в ухо:

– Знала, что он здесь будет? Я в шоке. – И громче, для всех: – Я вино пью. Будешь?

Я соглашаюсь машинально, напрочь забыв о своем обещании сесть за руль. Кажется, что *он* на меня смотрит, и это путает мысли. Всё из-за дурацкой бейсболки, прячущей его глаза. у Адилья нет причин на меня смотреть, так же как у меня на него, но его чертова, совершенно неуместная за столом кепка заставляет додумывать.

– Держи. – Аня придвигает ко мне бокал, по-джентльменски наполненный Артуром, и следом тянет свой, чтобы чокнуться. – Дзинь! За классные выходные!

Я подношу вино ко рту, но еще до того как успеваю сделать глоток, звучит предупреждающий голос Димы:

– Зай! Ты же за руль хотела садиться.

Замерев, опускаю бокал на стол, досадуя, что волнение настолько способно лишить меня способности соображать. В этот момент над столом вдруг отчетливо разносится смешок. До неприличия небрежный, не вызывающий сомнений в том, к чему именно он относится.

Все как один, включая меня, смотрят на Адилья.

– Зай, – с кривой усмешкой повторяет он, пока, ни на кого не глядя, тушит окурок в блюдце.

Очевидно, пепельницы в доме Роберта не нашлось, потому что в нашей компании давно никто не курит.

4

Спустя час застолья компания за столом редеет, рассеиваясь по территории дома. Андрей с Димой занимают место возле гриля, где жарятся успевшие надоесть за лето шашлыки, Сеня возится с парусиновым зонтом по просьбе Ядвиги, изъяснившей желание позагорать, мы же с Аней заняли качели, чтобы иметь возможно спокойно разговаривать под их ненавязчивый скрип.

– А я думала, вы с Димасом в прошлые выходные к нам приедете, – замечает она, поднося к губам красный курительный гаджет. – Весело было. Сначала во дворе дискотеку устроили, потом Роб квадрат выгнал, и мы по берегу полночи катались.

– Мне в субботу на смену нужно было выйти. Никак не получалось.

– На работе как? Нормально?

Кивнув, я отталкиваюсь ногой от брусчатки, чтобы усилить амплитуду раскачивания.

– Да, всё хорошо вроде.

– Ночами дежурить, наверное, тяжело, да? – с сочувствием продолжает Аня. – Все-таки медиков нужно на руках носить. Такой труд адский. Сначала учишься полжизни, потом столько же не спишь.

– Со временем привыкаешь, – усмехаюсь я. – Хотя поначалу день с ночью путается.

Ловлю на себе взгляд Димы и поднимаю вверх уголки губ, транслируя «у меня всё хорошо», на что он удовлетворенно кивает, перед тем как снова отвернуться к Андрею.

– Как у вас с Димасом? Обживаетесь?

– Я в последние два месяца у него и так почти каждую ночь оставалась, так что после переезда по-крупному ничего не изменилось. Все вещи тащить не стала, чтобы сильно его не теснить.

Выпустив в воздух сладко пахнувший пар, Аня иронично хмыкает:

– А если он замуж тебе предложит выйти? Тоже не захочешь его теснить?

– Я к тому, что у меня квартира есть, где можно все это хранить. По необходимости буду довозить какие-то вещи. – Я шутливо толкаю ее локтем. – И не пытайся меня подловить.

– Бесит он тебя? – Аня заметно понижает голос, будто мне требуется подсказка, чтобы понять, на кого она переключилась. – Я чуть под стол не сползла, когда Адиль Димаса передразнил. Такой он...

Она смолкает, предлагая мне самой додумать нужное слово. Вариантов много, и все они идентичны по смыслу: урод, мудака, сволочь.

– Адиль же всегда таким был, – говорю я, уставившись на носки своих кроссовок в попытке отвлечься от желания посмотреть в его сторону. – Чего удивляться?

– У тебя просто ангельское терпение.

Издав неопределенный смешок, я проигрываю сама себе и нахожу Адиль взглядом. Он стоит с Робертом на входе в беседку. Занят разговором, в руке зажат бокал с темно-коричневым напитком – непонятно, кола это или же алкоголь.

Кажется, Роберт отпускает какую-то шутку, потому что Адиль, опустив голову, смеется. «Да-да-да, блядь, – слышу я его вибрирующий смехом голос. – Он же думает, что все дебилы кругом и ни хера не понимают».

– Вот и я так, слово в слово, сказал этому мудозвону, – хохочет Роберт.

Робсон обладает удивительным свойством дружить со всеми без исключения. Даже с таким как Адиль. Было время, я ему завидовала. Со мной Адиль никогда не обсуждал других людей и, кажется, никогда так по-свойски не смеялся. Когда мы проводили время вместе, не покидало ощущение, что он находится за невидимым стеклом. Его мир был для меня загадкой, которую я каждую минуту отчаянно пыталась разгадать. Эта закрытость жутко злила тем, что

мешала мне сделать Адиля своим без остатка, но она же придавала нашей любви особенную остроту. В девятнадцать многие обожают американские горки и драму.

– Ты в бассейн пойдешь? – долетает до меня голос Ани.

Я мотаю головой. Нет. Специально не взяла купальник, чтобы исключить возможность раздевания. Не хочу стоять перед *ним* полуголой.

– Так, а чего мы всё обо мне и обо мне? Как дела с Робом? Есть планы на Новый год?

– Ну ты далеко замахнулась! – фыркает Аня, снова поднося свой паровой приборчик ко рту. – У меня еще день рождения в сентябре. На Новый год не знаю... Посмотрим. Если контента стоящего не будет, может быть, в Дубай рванем. А вы с Димасом как?

Через полчаса обсуждения планов на январские праздники дает о себе знать литр выпитого сока, и приходится идти в дом. По пути к туалету я задерживаюсь, чтобы оценить свое отражение. В том, чтобы не краситься, есть свои плюсы: не нужно переживать за макияж. Лучше ты не выглядишь, но и хуже, чем было час назад, тоже.

Дом, который арендует Роберт, большой – здесь не менее шести-семи спален. Можно подняться в уборную на второй этаж, чтобы избежать риска услышать нетерпеливый стук в дверь, но я выбираю менее энергозатратный вариант и иду в ту, что находится внизу, рядом с кухней.

Лень не прощает. Когда тяну ручку, дверь оказывается заперта. Мысленно извинившись перед тем, кто находится внутри, я собираюсь незаметно ретироваться, но щелкнувший замок останавливает.

Выстрел номер два звучит так неожиданно, что подкашиваются колени. Издевательство какое-то. Из туалета выходит не кто-нибудь, а Адиль.

Секунда уходит на то, чтобы опомниться, еще секунда – на то, чтобы что-то сказать.

– Привет... – Переступив с ноги на ногу, я нервно смеюсь. – Не знала...

Глаза под козырьком бейсболки неторопливо скользят по моему лицу. Семь лет прошло. Я, конечно, изменилась: юношеская одутловатость ушла со щек, форма бровей стала другой, прическа. Адиль тоже изменился, хотя и не могу назвать, в чем конкретно. Просто ему больше не двадцать один.

Почему он молчит? Я хоть что-то сказала. За семь лет не мог подобрать даже пары слов для той, с кем когда-то состоял в отношениях?

– Я совсем недавно узнала, что ты вернулся. Неожиданно так... Ты насовсем или так... проездом?

Если Адиль мудака и сволочь, то я слабохарактерная идиотка, оттого что не могу заставить себя стоять в тишине. Нервы сдают. Вечно чувствую себя обязанной говорить, если повисает пауза. И не только с Адилем. На меня будто с детства возложили ответственность поддерживать разговоры, а остальные так... Подхватят, когда захотят.

– А зай тебе не сказал? – хрипло-тягучий голос не скрывает усмешки. – Пока никуда не собираюсь.

Его голос был моим особым фетишем. Вот эти низкие, выраженно мужские ноты и отчуждение в нем, заставляющее сильнее хотеть внимания и делать все, чтобы заставить Адиля дрогнуть. Раньше мне это часто удавалось.

– Было невежливо передразнивать Диму за столом, – сухо говорю я, не желая оставлять ту издевку без внимания. – Пожалуйста, больше так не делай.

Намеренно говорю «пожалуйста» и держу этот официальный тон, чтобы показать ему, что по крайней мере для одного из нас эти семь лет не прошли даром.

Видишь, у меня все хорошо. После твоего отъезда я нашла в себе силы встать с пола и продолжить жить лучше, чем раньше. У меня есть здоровые отношения и партнер, которого я уважаю и насмехаться над которым не позволю.

– Было смешно слышать эту ванильку за столом. – Адиль смотрит на меня не мигая. – А до «пожалуйста» мне как-то похер.

Ярость во мне вскипает моментально. Скотина. Неужели за семь лет сложно было набраться немного такта? Ну нельзя же жить таким неуправляемым... Как с ним вообще Роберт общается? А другие? Существование в социуме предполагает взаимное уважение, но Адиль, конечно, делает вид, что ему наплевать. Мы семь лет не виделись, и все, что он может сказать: ему «похер».

– Не зря я по тебе не скучала, – выплевываю я ледышки слов прямо ему в грудь, представляя, как они разрезают ткань черной футболки и впиваются Адилю под кожу. – Остальные, думаю, тоже. Дай пройти.

Еще до того, как он отходит в сторону, сама протискиваюсь в туалетную дверь. В груди молотит так, что вибрируют ребра.

Ну и где сейчас эти семь лет? Все происходит с точностью, как раньше: он делает мне больно, а я в отместку пытаюсь пустить ему кровь.

5

– Все в порядке? – Дима кладет ладони мне на талию и трется о висок носом.

Его дыхание пахнет виски, отчего я ощущаю фантомный зуд в нервах – отголосок непростого детства. Отец, до того как мама от него ушла, злоупотреблял алкоголем. Фобии спиртного у меня нет, но его запах, исходящий от близких людей, зачастую вызывает неприятие. Одного Адила это не касалось.

– Да, все хорошо, – подтверждаю, прикрыв глаза. – Домой скоро поедем?

– Давай через полчаса? В баню только с пацанами схожу.

– Сходи. Я тогда пойду немного по окрестностям прогуляюсь.

Дима моментально хмурится.

– Плохая идея, зай. Скоро темнеть начнет. Иди на качелях лучше покатайся.

– Я не болонка, чтобы в переноске сидеть, – цежу я, машинально отстраняясь. – Тебе я ничего не запрещаю, и ты тоже не смей.

– Я не запрещаю, а волнуюсь. Мало ли какой урод или маньяк навстречу попадутся.

– Какой маньяк? Это элитный поселок. Здесь маленькие дети на великах одни катаются, а мне прогуляться нельзя?

– Зай. – Дима устало морщит лицо. – Ну чего ты реагируешь? Я тебе ничего запрещаю.

Ответ я проглатываю, чтобы не превращать разговор в прилюдный обмен упреками. Но, если Дима прав, и я действительно цепляюсь к словам, на то есть причина. Его патологическое чувство собственности. Диме не нравятся мои ночные смены, не нравятся частые встречи с подругами, его бесит любое случайное внимание противоположного пола. Даже когда он пытается это скрыть, его недовольство все равно проступает в мелочах и вызывает у меня сильнейшую аллергическую реакцию.

– Ладно. – Я высвобождаюсь из Диминых рук и быстро целую его в подбородок в подтверждение примирения. – Иди к парням. Телефон у меня с собой. Если выйдешь пораньше, набери меня.

Дима выглядит так, будто хочет возразить, но потом лишь кивает. Предупредив об отлучке Аню и Ядвигу, засевших в беседке с очередной бутылкой вина, я выскальзываю за ворота.

Вот и отлично, что никто не вызвался пройти со мной. С недавнего времени я полюбила уединение. Суета на работе и переезд к Диме фактически лишили меня возможности побыть в одиночестве, так что сейчас я искренне наслаждаюсь неторопливой прогулкой под сенью деревьев, сквозь которые проглядывают крыши модных особняков.

Сколько Роберт платит за аренду дома в таком месте? Несколько лет назад отчим построил коттедж в аналогичном поселке, и один только участок в восемь соток земли обошелся ему в поистине космическую сумму.

Жадно впитываю насыщенный кислородом воздух и пытаюсь заблокировать любую мысль об Адиле. Сдаюсь минут через десять. У меня нет причин испытывать за это вину. Он был моей первой любовью, первым мужчиной... Он, в конце концов, разбил мне сердце. Было бы странно столкнуться спустя семь лет в доме наших общих друзей и не дать себе возможности это обдумать. Так что мне о нем известно? Адиль никуда не собирается уезжать – это первое. Он ничуть не изменился – это второе. Как знать, может быть, будущее принесет не только плохие новости.

Я воспроизвожу кадры нашего столкновения возле туалета и невольно тру щеку, словно это поможет уничтожить следы его взгляда. Никаких чувств к нему во мне, разумеется, нет. Вздурораженность и ярость – это последствия захороненного прошлого, которое всколыхнула наша встреча. И то, что я сейчас думаю об Адиле, – лишь слабая реакция на вирус, на который

у меня давно выработались антитела. Пройдет пара дней, и я вернусь в норму. Второй раз точно не заболею.

Дойдя до местного магазина и купив там жевательную резинку, я поворачиваю обратно. Надеюсь, к моменту моего возвращения Дима успеет насидеться в бане. Чем раньше мы уедем, тем меньше времени мне потребуется, чтобы окончательно прийти в себя. Тем более завтра я работаю в первую смену.

Едва подхожу к нужным воротам и берусь за резную калитку, стыну от звука агрессивных голосов. Меня охватывает ледяной озноб. Отлично знаю, как звучит потасовка, имеющая все шансы закончиться дракой: я ведь почти год встречалась с Адилем. Она звучит именно так.

Металлическая дверь с грохотом захлопывается за мной, пятки в кроссовках глухо молотят по брусчатке. Забежав во двор, останавливаюсь как вкопанная. Сердце стучит так сильно, что внутренности скручивает тошнотой. Агрессивные голоса – это Адиль и Дима, стоящие друг напротив друга. Их позы даже не воинственные – это, скорее, позы неминуемой расправы. Я знаю это по напряженным плечам Адила, его презрительно кривящимся губам и вскинутому подбородку. Ни разу не видела, как дерется Дима, но по багровому лицу становится ясно, что он тоже готов.

– Че ты, блядь, скалишься, тварь? Весело тебе?

Это Дима. Его голос неузнаваемый, сбившийся, будто Дима только что пробежал десяток километров.

В ответ Адиль зло встряхивает головой и смеется. Его смех как пощечина оппоненту – издевательский, унижительный.

– Скажи что-нибудь еще, а? Дай повод твое ебало размазать.

Паника захватывает каждую нервную клетку. Я открываю и закрываю рот, беззвучно моля: «Не надо».

– Бля, парни, хорош.

Роберт делает шаг вперед с намерением их разнять, но гневное Димино «сука», выплюнутое в воздух, его опережает. Я жмурюсь, но слишком поздно: кадр, как Адиль хлестко бьет Диму в ухо, навсегда застревает в памяти.

– *Хватит, хватит, пацаны... Вы чего, блядь, сцепились из-за ерунды?*

– *Это дружеская встреча... Все свои же, ну...*

– *Андрюха, бля! Оттащи его! Артур, помоги!*

– *Адиль, заканчивай... Димас, давай ты тоже... Хуями крыть тоже не тема.*

Не помню, как оказываюсь рядом с Димой, на щеке у которого алеет яркий след от удара. Он тяжело дышит, глаза, налитые кровью, смотрят сквозь меня. Таким я его еще не видела.

– Урод, сука... Ебаный отброс.

На Адила не смотрю. Мне больше нет до него никакого дела.

– Поехали домой, ладно? – в отчаянии бормочу, утягивая Диму за собой. Зубы стучат, футболка прилипла к спине. – Пожалуйста, поехали домой.

6

– Можно сбавить скорость? Пожалуйста, – умоляюще шепчу я, впившись ногтями в кресло. – Мне страшно.

С последней фразой машина начинает замедляться, и стрелка спидометра постепенно падает до безопасной отметки «90». Комок паники, заполнивший грудь, растворяется. Слишком много деструктивных эмоций за столь короткий отрезок времени.

Дима до сих пор не пришел в себя. Его лицо покрыто гневными пятнами, взгляд напряженно сфокусирован в точке на лобовом стекле.

– Может быть, остановимся? – осторожно предлагаю я. – Посидим немного или пройдемся.

Он резко мотает головой, отвергая мою идею. Таким агрессивным я его, пожалуй, ни разу не видела, и потому понятия не имею, как себя вести. Машина снова набирает скорость, но Дима этого даже не замечает. Сейчас, глядя, как на его скулах нервно гуляют желваки, мне чудится, что он мысленно избивает Адила.

– Останови, я выйду, – глухо бормочу я, нащупывая ручку.

Дима с заминкой поворачивает голову в мою сторону, в расширенных темных зрачках проступает недоумение. Вместе с этим стрелка спидометра опять ползет вниз.

– Извини, зай. Я, блядь, не в себе просто. Вернуться хочу и по роже ему надавать.

Я бесшумно сжимаю воздух облегчения. Всё в порядке. Дима не Адиль, он умеет вовремя обуздать свой гнев.

– Поэтому я и предлагаю остановиться. Надавать ты хочешь Адилю, но в больницу в случае аварии попадем мы оба.

Ничего не ответив, Дима перестраивается в правый ряд. Я наконец перестаю терзать обшивку – теперь мы едем со скоростью пятьдесят километров в час.

– Из-за чего все началось? – спрашиваю как можно мягче, трогая его ладонь.

Дима гневно поджимает губы и встряхивает головой. Видно, что даже произносить это вслух ему неприятно.

– Да мудака он конченный. Я вискарь попросил передать, так он, блядь, даже не пошевелился. Типа, встань и сам заberi. Я ему сказал, что он до хера выебывается, ну и дальше слово за слово. Хуле вернулся, непонятно. Пиздовал бы в свой Новосиб, или где он там торчал.

– Адиль жил в Новосибирске? – переспрашиваю машинально. Я этого не знала.

Все семь лет я вообще ничего о нем не знала, потому что поклялась вычеркнуть его из жизни. Нет, не так. Не семь лет, а шесть с половиной. Первые полгода я отчаянно мечтала его найти.

– Хочешь сказать, Аню не расспросила? – раздраженно усмехается Дима.

Глаза обжигает обидой. На что он намекает? Что после всего случившегося я все еще интересуюсь Адилем?

– Нет, не расспросила, – чеканю я, вцепившись в предплечья. – В ухо дали тебе, а отыгаться ты решил на мне?

Побледневшие пятна на лице Димы снова наливаются краснотой. Он гневно играет челюстью, но ничего не отвечает.

– Я ничего о нем не спрашивала. Все семь лет вообще им не интересовалась, – примирительно говорю после паузы. – И не собиралась интересоваться.

Глубоко вздохнув, Дима находит мою руку и крепко сжимает.

– Да понятно, что это он из-за тебя бесится. Ему покоя не дает, что мы вместе, вот он и до «зай» доебался, и за столом как сука последняя себя вел.

Опустив глаза, растерянно смотрю, как большой палец Димы гладит мою ладонь. Адиль бесится из-за наших отношений с Димой? Что за чушь! Зачем ему это? Если бы я была для него важна, разве он бы уехал тогда? Как можно бросить человека, которого любишь?

– С чего ты это взял?

– Да и так ясно. Видит, что ты занята мной, и психует.

На этих словах голос Димы заметно веселеет. Я же, наоборот, ощущаю неясное раздражение. То есть это лишь домыслы? Адилю не нужны особенных поводов, чтобы полезть в драку, и я тут совершенно ни при чем. Кривого взгляда и попытки диктовать ему, что делать, уже достаточно.

– Ты, кажется, успокоился, – комментирую я, заметив, как Дима переключает радиоволны на руле.

– Да, отпускает немного, – с улыбкой соглашается он и, протянув руку, убирает прядь моих волос за ухо. – Стало смешно, что он бесится, но ничего не может сделать.

* * *

– Может быть, доставку закажем, Дим? – предлагаю я, опуская на пол бумажный пакет с продуктами из супермаркета, в который мы заехали по дороге. – Сил готовить совсем нет.

– Конечно, – согласно доносится из-за спины. – Давай закажем.

Щелкнув выключателем, наклоняюсь, чтобы избавиться от кроссовок, но руки Димы, тянущие меня вверх, мешают.

– Ты чего? – растерянно смеюсь я, когда одна его ладонь вдруг ныряет мне под футболку и находит грудь, а вторая тянет вниз молнию джинсов.

– А что я? – жарко шепчет Дима в ухо, намеренно ударяясь в меня затвердевшей шириной. – Соскучился по своей девушке и собираюсь ее трахнуть.

Его приставания застают врасплох, ведь еще недавно Дима был вне себя от гнева, а потому толком возражать не получается. Спустив с меня джинсы и развернув к стене, Дима несколько минут агрессивно врезается в меня членом и после заливает спермой мои ягодицы.

Широко распахнув глаза, разглядываю стену и гадаю, что это было. Тяжелое дыхание Димы застрекает в моих волосах, гулкий сердечный ритм ощущается между лопаток.

– Ты же моя, Даш?

Облизав пересохшие губы, я смыкаю веки в знак согласия.

– Твоя конечно. Чья же еще?

7

– Позвони мне, если передумаешь оставаться с ночевкой. Я заберу. – Погладив мою щеку, Дима тянется за поцелуем. – В офис заскочу, а потом тоже, наверное, к родителям поеду.

Сегодня воскресенье, и это мой первый полноценный выходной за неделю, который я планирую провести в кругу семьи. Семья – это мама и отчим, последние три года плотно обосновавшиеся за городом. Возможно, приедет сын отчима от первого брака, с женой и двумя дочками-погодками.

– Позвоню, – согласно киваю я, ласково взъерошивая Димины волосы.

В такие моменты, как сейчас, понимаю, насколько мне с ним повезло. За минусом раздутого чувства собственности, Дима – идеальный партнер: чуткий, внимательный, заботливый. Ему ничего не стоит сорваться ко мне ночью по первому же звонку, просто чтобы я не ехала на такси. И он, разумеется, предпочел бы, чтобы я спала дома, но ничего не говорит. Старается уважать мои желания.

– Поезжай давай. – Я шутливо ударяю его по колену. – А то сейчас мама усадит тебя за стол.

Дождавшись, когда я войду в ворота, Дима уезжает. Как раз вовремя, потому что через секунду мама появляется на крыльце.

– А Дима уже уехал? – разочарованно спрашивает она, крутя головой по сторонам. – Что ж он на обед не зашел?

Мама очень любит гостей. В огромном доме, где, кроме нее и отчима, больше никто не живет, ей немного скучно, и потому она с радостью привечает всех моих подруг, балуя их кулинарными изысками вроде пирогов и обязательно вручая перед отъездом пакет со всевозможными домашними джемами и соленьями. Работать она перестала лет десять назад, из-за отсутствия необходимости. Во второй раз мама удачно вышла замуж за очень обеспеченного человека. Олег почти на пятнадцать лет ее старше, но это не стало препятствием для их союза. По словам мамы, с Олегом она получила шанс на нормальную жизнь.

– У него дела, мам. – Я трюсь о ее щеку и, приобняв, подталкиваю маму внутрь дома. – Зато я голодная. Специально ничего не ела.

– Вот и умница, – нараспев отвечает она, оживляясь. – Тогда будем садиться за стол. Олег наверху новости смотрит. Сейчас позову.

Пока мама идет к лестнице, я падаю на диван и включаю телевизор. Едва ли лет десять назад можно было предположить, что наша жизнь будет такой, как сейчас. Что я получу престижное образование и к двадцати пяти годам стану обладательницей жилья в центре города, а мама из бухгалтера средней руки, наскребающего деньги на лечение алкогольной зависимости мужа, превратится в статусную домохозяйку в окружении роскошной итальянской мебели и мейсенского фарфора. Появление Олега в жизни мамы в корне изменило сразу несколько судеб.

– Приехала? – Добродушно улыбаясь, отчим треплет меня по плечу. – А чего одна, без подруг? Мама так гостей ждала.

– Обещаю в следующие выходные привезти целый табор, – по-доброму иронизирую я. – А Игорь будет? Я его девчонкам шоколадки взяла.

Отчим откупоривает минералку, стоящую на столе, и крутит головой.

– Не сможет. То ли дела у них какие-то, то ли на день рождения пригласили. В баню-то пойдешь? Я вчера веников новых собственноручно закупил.

Олег чем-то напоминает медведя, как по характеру, так и внешне. Коренастый, круглолицый, с внушительным брюшком и изъеденными оспинами щеками, он далек от привлека-

тельности, но, глядя на него, я прекрасно понимаю, почему в свое время маму это ничуть не смутило. Рядом с ним спокойно и надежно.

– Ближе к вечеру решу, ладно? – отвечаю я, перебираясь к столу. – Как на работе дела? Заказы идут?

Много лет отчим успешно занимается производством труб и газового оборудования, и с заказами у него проблем нет. Спрашиваю просто для того, чтобы дать ему возможность рассказать очередную историю про очередного заказчика, и тем самым сделать приятно.

– Индейка, – торжественно объявляет мама, опуская на стол блюдо, на котором лежит загорелая тушка птицы в окружении румяных кружков картофеля. – Картошка наша, Дашуль. Голландский сорт. Сладкий-сладкий. Во рту тает. Сейчас зелень принесу. Олег, тебе же моя рукола понравилась?

– Да, вкусная, – подтверждает отчим и, не дожидаясь мамы, сам накладывает мясо в мою тарелку. – Ирма! Вина бутылочку, может, прихватишь? По бокалу пропустим за выходные по-семейному.

Спустя полчаса мы, сытые и немного захмелевшие от литра красного сухого, обсуждаем предстоящую поездку мамы и Олега в Адлер. У отчима есть квартира на первой береговой линии, и каждый год они с мамой проводят там минимум две-три недели. В этот раз решили полететь в расширенном составе, с компанией друзей.

– Приезжайте с Димой хотя бы на пару дней, – не слезает с любимой волны мама. – Морским воздухом подышишь, отдохнешь. Не спишь ведь толком.

– Чтобы морским воздухом дышать, нужно не на Черное море ехать, – резонно вставляет отчим. – Но вы все равно приезжайте. В горы съездим.

– Как получится, ладно? – уклоняюсь от ответа, заранее зная, что приехать не смогу.

На работе полный завал, а я и без того в последнее время часто брала выходные, чтобы иметь возможность закончить ремонт.

– А вы, кстати, куда ездили позавчера? – вдруг интересуется мама. – Когда я звонила, ты сказала, что вы с Димой в гостях.

От нахлынувших воспоминаний я невольно обнимаю себя руками и ежусь. Снова этот озноб.

– Были у Роберта. Он дом за городом на лето снимает, не помню, говорила я или нет.

– Нет, не говорила. И как посидели? Как у них с Анютой дела? Жениться еще не надумали?

После того как ее собственная жизнь обрела уверенную стабильность, мама стала активно интересоваться судьбами моих друзей. На многих она подписана в инстаграме, за кем-то следит через мои рассказы и искренне переживает. Особенно за Ксюшу.

– Да вроде пока нет. Зато на Новый год в Дубай собираются.

На этой фразе отчим сообщает, что вернется к себе в кабинет, чтобы не мешать нам сплетничать. Я провожаю взглядом его квадратную спину и, неизвестно для чего, говорю вслух:

– Адиль вернулся. Тоже был в гостях у Роберта.

Эта информация производит на маму впечатление. Расслабленное выражение покидает ее лицо, и она резко садится под прямым углом.

– А чего это он вдруг решил появиться? Надолго?

Я усмехаюсь. Да кто ж его знает.

– Говорит, что пока никуда не собирается.

– То есть вы общались? И как он? Что вообще говорит?

– Ничего особенного не говорит. – Я с силой тру безымянный палец в попытке утилизировать растущую нервозность. О драке и поведении Адилья за столом решаю умолчать: не хочу слушать возмущение мамы, которая всегда его недолюбливала. – Время ушло. О чем нам разговаривать?

– Даш, – голос мамы становится просящим. – Ты уж будь умнее, хорошо? Первая любовь дурная бывает, но сейчас-то ты умница. С Димой всё в порядке у вас?

Я киваю в подтверждение.

– Да, конечно. У нас всё отлично.

– Жизнь тебя однажды уберегла, – продолжает мама, очевидно желая закрепить результат. – Надеюсь, во второй раз ты в то же болото не встрянешь, да? Вот за таких мужчин нужно выходить замуж... – Она выразительно тычет пальцем в сторону лестницы. – А не за таких, как твой папаша.

Я морщусь. Вот для чего вообще заикнулась об Адиле? Существует два человека, которых никогда не стоит обсуждать с мамой. Он и мой отец.

– Мам, я не дура и сама понимаю. Почему все думают, что его появление что-то должно изменить в моей жизни? Адиль – это детство, и между нами давно ничего нет. Я просто так про него сказала.

– Я помню, как ты рыдала, лежа на полу, и от еды отказывалась. Знаешь, каково матери такое видеть? Я думала, ты с ума сойдешь или доведешь себя до анорексии...

– Ладно, мам. – Не выдержав, я соскакиваю с дивана. – Пойду полежу немного у себя в комнате. – Перекормила ты меня.

Мама, к счастью, не возражает, хотя и прекрасно понимает, что дело вовсе не в переполненности моего желудка.

– Спускайся потом чай пить, – летит мне вдогонку. – Штрудель скоро будет готов.

Зайдя в свою спальню, я бесцельно опускаюсь на край кровати и в течение нескольких секунд гипнотизирую покачивающиеся края шторы. Глупо было упоминать при маме Адиле. У нее столько свободного времени для рефлексии, что она теперь неделю спать спокойно не сможет.

Поднявшись, я подхожу к комоду, в котором хранится куча всего: от моих нелепых школьных украшений до старых смартфонов. Порывшись, нахожу пухлый фотоальбом пастельно-розового цвета и выуживаю из него смятый полароидный снимок. Единственный, который не выбросила. На фото изображены я и Адиль. В одной руке у него сигарета, другой – он обнимает меня за шею.

Я преувеличила, сказав, что со мной Адиль никогда искренне не смеялся. На этой фотографии его улыбка выглядит очень правдиво.

8

Месяц спустя

– С днем рождения, моя хорошая! – Я обнимаю Аню за шею, отчего пакет с подарком, зажатый в руке, неловко ударяет ее по спине.

Я немного дезориентирована царящей атмосферой: вокруг куча незнакомых лиц, из окон дома громко играет музыка, а из беседки доносится запах кальяна и взрывы хохота. Мы с Димой опоздали примерно на час из-за моего дежурства, а потому празднование двадцатисемилетия Ани застали в полном разгаре. Терпеть не могу опаздывать. Безнадёжно отстав от остальных, приходится экстренно наверстывать упущенное, а это не всегда получается.

– Спасибо, моя за-ая, – тянет Аня, звонко чмокая меня в щеку. – Так рада, что ты приехала. – Отстранившись, она машет рукой Диме: – И ты, Димас, тоже.

Судя по запаху алкоголя в ее дыхании и протяжному «зая», именинница уже нетрезва, как, скорее всего, и остальные. То, о чем я говорила. Потребуется усилия, чтобы поймать общую волну веселья.

– Половина народа уже в баню пошла, – докладывает Аня, когда мы, пропустив вперед Диму, в обнимку идем к дому. – Гостей Китай собралось. Пожалуйста, имей в виду: это не я виновата, а Робсон. Я как список начала составлять, он сразу влез: «А этого пригласишь? А этого? Этого тоже давай, а то по отдельности неудобно». Короче, моя днюха превратилась в вечеринку его друзей.

Я невнятно мычу «угу», думая, что пыльный спортивный седан, стоящий у входа, – даже более пыльный, чем в день, когда я его впервые увидела, – вполне может принадлежать Адилю. Аня бы никогда его не пригласила, но если в составлении списка гостей принимал участие Роберт, то Адиль вполне может быть здесь.

Это плохо. Лишь последние несколько дней мне наконец удалось перестать о нем думать. Вернее, не вспоминать. Воспоминания – коварная вещь, потому что всегда приходят без спроса. Подстерегают тебя, когда ты максимально безоружен: например, варишь себе кофе или смотришь в окно по дороге на работу.

– Адиль тоже здесь? – решаю спросить напрямую.

Аня корчит жалобную гримасу и виновато дергает плечами.

– Да. Я Робу напоминала про их конфликт с Димасом, но ты же его знаешь. Поржал и сказал, что типа не маленькие, разберутся.

Я нервно вздыхаю. Порой гостеприимство Роберта выше моего понимания. И злиться на него невозможно. Просто он такой – душа нашей компании. Со всеми поддерживает связь и со всеми хочет оставаться в хороших отношениях.

Аня подводит меня к столу и представляет тем, с кем я еще не знакома. Несколько человек с ее бывшей работы: Валентина, Евгения, Римма и парень по имени Эрик, который из-за своего жеманного голоса походит на гея.

– Что будешь пить, дорогая? – не пытаясь развенчать первое впечатление, спрашивает он.

Я хочу попросить вина, но, услышав очередной взрыв смеха, в котором чудится голос Адиля, прошу смешать «Маргариту». Надеюсь, со временем его присутствие перестанет так на меня действовать, тем более он планирует у нас задержаться. *У нас*. Кажется, за время, пока мы не виделись, я успела присвоить себе не только нашу компанию, но и весь город.

Выпив коктейль и из вежливости пообщавшись с подругами Ани, двое из которых оказываются стриптизершами в мужском клубе, где она работала администратором, я ухожу искать Диму. Не могу не беспокоиться о возможной новой стычке с Адилем. Мужская половина гостей обосновалась в бильярдной, поэтому начать решаю там.

– Всем привет!

Я обвожу глазами парней и, зацепив взглядом черную бейсболку, быстро иду к Диме, стоящему в дальнем углу. Сердце тревожно шумит, нагревая кровь так, что гудят ступни и кисти. Ну что за детская реакция? Мне же давно не семнадцать лет.

– Как ты? – Обняв Диму за шею, я заглядываю ему в глаза. Улыбка на моих губах нервно подрагивает, но вряд ли кому-то, кроме него, этого заметно. – Играешь в бильярд?

Последние две недели я стараюсь быть к нему максимально внимательной – словно извиняясь за то, что иногда против воли возвращаюсь мыслями в прошлое. Неожиданное появление Адила сбilo с толку, но мама оказалась права: у меня есть голова на плечах, чтобы ценить то, что имею. Отношения с Димой, с которым мы знакомы еще со старших классов, – это далеко не спонтанность. Мы долго присматривались друг к другу, прежде чем сделать этот шаг. Правда, позже он признался, что был равнодушен ко мне давно, но выйти за рамки дружбы ему всякий раз что-то мешало. Что-то – это Адиль, потом моя затяжная депрессия и многочисленные поклонники. От невнимания противоположного пола я никогда не страдала, даже наоборот, что порой меня саму удивляло. На внешность не жалуясь, но яркой красавицей меня вряд ли можно назвать. Худошавая, без выраженных форм, с детскими чертами лица – типаж скорее на любителя.

Сцепив ладони на моей пояснице, Дима ласково касается губами моих. В его дыхании отчетливо ощущается запах виски, но сейчас это ничуть не раздражает. У нас все хорошо, и мне не стыдно это продемонстрировать на глазах у кого угодно, включая обладателя черной бейсболки.

– Ну хватит, хватит тут романтику разводить, – шуточно ворчит Роберт. – Тут мужчины серьезной игрой заняты, а Дашка нам весь настрой сбивает.

– Это я на удачу, – с озорной улыбкой говорю я, поворачиваясь к нему. – Вот увидишь, Дима всех обыграет.

Темный взгляд из-под кепки лениво царапает мое лицо, заставляя мысленно выставить средний палец. Это в прошлый раз я была растеряна, а сейчас прекрасно владею собой. После череды ошибок я выбрала того, кто умеет меня ценить.

– Я буду в гостиной с девочками, – ласково воркую, тронув Диму за подбородок. – Найдешь меня, как здесь закончишь, ладно?

Я ухожу из бильярдной в сопровождении улыбки Димы и шуточных смешков. Это Андрей и Роберт беззлобно нас передразнивают, называя его заей.

За стол к подругам Ани сажусь в полном удовлетворении и даже по случаю позволяю себе еще одну «Маргариту». Зря я беспокоилась, что годы ничего не изменили. У меня получается сохранять баланс в присутствии Адила.

* * *

– Блин, не день рождения, а какой-то мальчишник, – возмущенно фыркает Аня, плюхаясь рядом со мной на диван. – Время запускать салюты, а ребята засели играть в покер. Скажи спасибо Адилю.

Я хочу съязвить, что на дне ее рождения, как и на правильном мальчишнике, даже стриптизерши есть, но последняя фраза сбивает нужный настрой.

– А при чем тут Адиль?

Аня небрежно фыркает:

– Ну он же покерист.

– Он играет в покер? – растерянно переспрашиваю я. – Я не знала.

– Не знала? Мне Робсон сказал. Адиль вроде этим на жизнь зарабатывает. Мерс свой на выигранные деньги купил.

Мысли лихорадочно мечутся. Я понятия не имела, что возможно зарабатывать на жизнь азартными играми, хотя такой род занятий идеально вписывается в образ Адиля. Сложно представить его ежедневно ходящим в офис, соблюдающим дресс-код или ведущим деловые переговоры.

– А живет он сейчас где, знаешь? – спрашиваю я до того, как успеваю осознать, что ступаю на скользкую территорию.

Чем меньше известно о его жизни, тем лучше. Зачем мне? Достаточно и того, что раз в месяц мы будем пересекаться в доме общих друзей.

– Не знаю, если честно. Роберт сказал, что у Адиля мать заболела. Может быть, у нее, чтобы ухаживать.

Я прикусываю губу. У Адиля болеет мать? Что-то серьезное? Тут же мысленно себя одергиваю. Какая разница? На работе я каждый день вижу больных людей.

Виновато смотрю на Аню:

– Слушай, если уж все ушли играть в покер, я прилягу на полчаса? Голова немного разболелась. Зря я пила вторую «Маргариту».

– Без проблем. Я крикну или напишу сообщение.

Получив официальное разрешение хозяйки праздника, я иду на второй этаж и параллельно печатаю сообщение Диме, который вместе с Андреем и Сеней около часа назад ушел в сауну.

«Полежу немного наверху. Голова разболелась. Если что – знаешь, где меня искать».

Нажав «отправить», добредаю до конца коридора – туда, где расположена наша с Димой негласная спальня. Несколько раз за лето мы оставались в ней ночевать, и там даже хранится моя зубная щетка.

Потянув на себя дверь, я застываю от желтого свечения напольного торшера. Почему-то именно оно первым привлекает к себе внимание, и лишь после – открывшаяся картина, от которой я за секунду ощущаю спектр самых разнообразных эмоций: от смущения и шока до отвращения. В кресле под торшером сидит Адиль, а в его раздвинутых ногах на коленях стоит девушка. Я узнаю в ней подругу Ани, с которой меня недавно знакомили. Гребаная стриптизерша, чья голова сейчас ритмично двигается вниз и вверх над его расстегнутой ширинкой.

Моя рука с телефоном, обмякнув, падает вниз и ударяется о бедро. Он даже не снял кепку. Сидит в нашей комнате в своей чертовой бейсболке, пока девка, которую он видит впервые, делает ему минет.

Ненавижу себя за то, что в такие моменты как сейчас, мозг напрочь лишается возможности соображать. Я медик, и по долгу службы мне необходимо уметь это делать в любой ситуации. Просто шагнуть назад и уйти, и желательно в это же мгновение напрочь стереть из памяти эту уродливую картину.

Промедление наказуемо. Адиль отрывает глаза от покачивающейся макушки и смотрит на меня. Выражение его лица ничуть не меняется, будто я застала его за просмотром вечерних новостей.

– Хочешь посмотреть или присоединиться? – своим обычным тоном спрашивает он. Так, будто в эту самую секунду делает мне огромное одолжение.

Поняв, что в комнате есть кто-то еще, Валя, Мила, или как там ее зовут, пытается дернуться вверх, но Адиль накрывает ладонью ее затылок и толкает вниз, заставляя продолжать. От пошлого булькающего звука хочется заткнуть уши.

– Пошел ты, – выдыхаю я, краснея до корней волос.

Гнев и возмущение отрезвляют, и я наконец делаю то, что должна: выскакиваю за дверь.

9

По коридору я бегу, чудом не натываясь на стены. В голове бурлит каша из мыслей, щеки пылают, в груди тоже. Урод... Ублюдок... Животное... Занимается этим с первой встречной... В комнате, где я планировала остаться ночевать. Даже не снял свою идиотскую бейсболку.

Перед лестницей резко останавливаюсь. Внизу слишком светло и слишком много людей, чтобы запросто там показаться. Мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя и вернуть лицу безмятежность. Не хочу, чтобы кто-то подумал, что... В общем, не хочу.

Обернувшись, снова смотрю в длинный темный проход. От происходящего в той комнате меня отделяет лишь десяток метров. Когда дверь за мной захлопнулась, он просто продолжил? Кем надо быть, чтобы самую малость не смутиться?

В горле горит неприятие. Не понимаю... Просто не понимаю... Это Адиль уехал, бросив меня одну. Это он сделал мне больно. И что мы имеем? Общаться цивилизованно пытаюсь одна я, а он ведет себя так, будто семь лет назад не разбил мне сердце... Каким же черствым нужно быть! Мне тогда всего-то исполнилось девятнадцать, и он прекрасно знал, что был для меня всем. Я тысячи раз проматывала в голове причины, которые заставили его так поступить, но так и не нашла ответа. Мы поругались накануне, да. Но мы с ним ругались сотни раз, и гораздо серьезнее. Если бы после приезда он сказал пару слов в объяснение, если бы выглядел виноватым или, на худой конец, извинился... Возможно, тогда бы у меня получилось его понять и я наконец отпустила.

Вобрав в себя побольше воздуха, трогаю глаза. Просто проверить. Сухие. Вот и прекрасно. Уж лучше злиться, чем заплакать из-за него. Адиль как темная тряпина – высасывает все хорошее и правильное, сбивает ориентиры. Нельзя забывать, что теперь я лучше его. Моя жизнь прекрасна, есть любимая работа, а рядом – замечательный мужчина, который по-настоящему меня любит и заботится.

Выдохнув, расправляю плечи. Если среди нас двоих и есть победитель, то это я. Не Адиль. Нужно об этом помнить.

С этими мыслями спускаюсь в гостиную, где на диване все так же сидит Аня в компании своей подруги-стриптизерши. Быть может, я предвзята, но садиться рядом не хочу. Хотя о какой предвзятости может идти речь после увиденного в спальне?

Заметив меня, Аня вопросительно поднимает брови.

– Передумала отдохнуть?

– Вроде того, – буркаю я, идя в сторону кухни. Не хочу ничего объяснять и обсуждать тоже. – Решила чай себе сделать.

Аня подходит ко мне, когда я, сидя перед чашкой дымящегося кипятка, разглядываю глянцевого чайный пакетик, который так и не окунула внутрь.

– Весело тут у тебя.

– Не жалуюсь. Это единственное место, где тихо.

Она выдвигает стул и садится напротив.

– Тебя смущает, что они стриптизерши, да? Просто я вижу, что ты немного в напряге. Девчонки нормальные на самом деле. На работе часто меня вырочали. Когда клиент скандальный попадался, они, чтобы успокоился, ему больше внимания уделяли.

– Всё нормально, – говорю я, не желая ей возражать и портить настроение.

На свой день рождения Аня имеет право приглашать кого угодно.

– Слушай, а как вы с Адилем познакомились? Ну и в принципе, как тебя угораздило... – Она издает рваный смешок. – Я о ваших отношениях преимущественно от Робсона знаю.

– Мило, что вы нас обсуждаете, – иронизирую я. Спонтанная реакция на небрежное «угораздило». – Познакомились через Дениса Зарубина... Помнишь его? Он потом в Польшу с семьей переехал. Они с Адилем вместе учились.

Перед глазами живо встает картина семилетней давности. Я, Ксюша и Ядвига стоим возле машины Роберта, который возится в багажнике со своим вечно ломающимся сабвуфером. Его окликает Денис, и мы тоже поворачиваемся. При виде него Ксюша и Ядвига оживляются – Зарубин редкий красавчик и всегда привлекает внимание противоположного пола. Меня же он мало интересует, поэтому разглядываю его спутника – худощавого темноволосого парня с экзотическим разрезом глаз и остро заточенными скулами. Вот на него по-настоящему любопытно смотреть, хотя одет он довольно просто: черная футболка, кроссовки и серые джинсы. В нашей компании уже тогда многие охотились за брендами. Невольно прослеживаю движение его руки, в которой зажата сигарета: как он подносит ее ко рту, с шипением втягивает кончик и, опустив голову, выдувает белесую струю дыма. На нас с девчонками не смотрит и вообще ведет себя так, будто присутствующие, кроме, пожалуй, Роберта, с которым он поздоровался, не существуют. Во мне же, напротив, расцветает упрямое желание стать для него такой же интересной, каким буквально за минуту стал для меня он.

– Адиль как-то подрался, его хотели в участок забрать, – говорю я вслух. – Перед полицейскими его девушкой прикинулась... Целое представление разыграла. Стала жаловаться, что на меня напали, а он защищал... Расплакалась даже...

Я невольно улыбаюсь своей былой бесшабашности. Парней, с которыми сцепился Адиль, запросто могли найти, и выяснилось бы, что никто меня не трогал. Но тогда я на все была готова, чтобы его защитить. Лишь бы он наконец посмотрел на меня по-настоящему.

– И что? – хмыкает Аня. – Он расчувствовался?

– Не знаю. Но домой проводил. Квартира была пустой, потому что мама с отчимом где-то отдыхали, и я предложила ему подняться.

Смолкнув, опускаю взгляд себе на ладони. Зачем я все это рассказываю? От воспоминаний становится только хуже. Вся злость вмиг куда-то улетучивается, и в груди появляется забытое ощущение тепла.

– И он, конечно, поднялся, – подсказывает Аня.

Я делаю глоток остывшей воды и встряхиваю головой.

– Слушай, давай тему сменим?

Аня не настаивает и с энтузиазмом переключается на рассказ о подарках, Я слушаю вполуха, потому что мысли уже давно покинули пределы этого дома и переместились в старую родительскую квартиру с высокими сталинскими потолками и окном с видом на парк.

Да, Адиль поднялся, но даже пальцем меня не тронул, хотя я делала все, чтобы случилось обратное. Мы просто лежали на моей кровати в одежде и до утра разговаривали. Я рассказывала про детство, про то, как сильно любила отца и переживала из-за развода родителей, а Адиль – что с двенадцати лет увлекается мотоциклами и что огромный уродливый шрам на его руке появился, когда он перелез через забор, спасаясь от пьяницы-отца, гнавшегося за ним с топором.

Пусть многие и говорили, что мы совершенно разные, но с Адилем у меня было гораздо больше общего, чем с остальными.

10

– Слушай, я пойду проверю, как Робсон, ладно? – Осушив бокал, Аня спрыгивает с барного стула. – Вдруг он там наши деньги вчистую проигрывает. Вы ведь с Димасом у нас остаетесь, да?

Я киваю. На деле предпочла бы вернуться домой, но мы оба пили, а ехать домой на такси и потом с утра забирать машину – слишком проблематично.

Допив остывший чай, тоже встаю, решив поискать Диму. Прошлому удалось в очередной раз затащить меня в сети воспоминаний, и нужно срочно из них выбираться. Пусть у нас с Димой не все бывает гладко, но в том, что между нами настоящие чувства, я не сомневаюсь. Моя любовь к нему не такая, как была к Адилу, но тем и лучше. Она более здоровая, взрослая, правильная. Наши ссоры никогда не перерастают в скандалы и крики, потому что Дима умеет вовремя остановиться и сделать первый шаг к примирению. Адиль не умел. Мы могли часами орать друг на друга и перебить все, что подвернется под руку, – от ваз до мобильных телефонов. Потом Адиль, оглушительно шарахнув дверью, уходил, а я выскакивала за ним в подъезд в слезах и сыпала проклятиями. От отчаяния и беспомощности говорила всякую чушь, не имеющую отношения к действительности: как сильно ненавижу его и что больше никогда-никогда не захочу видеть. Я мечтала находиться с ним рядом каждую минуту, даже в ссоре, и не желала, чтобы он уходил.

– Слушай, ты не знаешь, где взять минералку?

Голос, раздавшийся из дверей, заставляет меня обернуться, и нервы моментально начинают искрить неприятием. На кухню входит она – Мила. Или Валя... Та девка, которая была в комнате с Адилем.

Ее волосы растрепаны, рот вызывающе распух. Неужели нельзя было сначала привести себя в порядок? За какую-то секунду я начинаю ненавидеть в ней все: загорелую кожу, объемную грудь, спрятанную под водолазкой, и поблескивающий педикюр.

– Понятия не имею, – холодно отрезаю я, демонстративно обходя ее с противоположной стороны стола.

Она испоганила своим вторжением нашу с Димой спальню – чем не повод не пытаться быть милой?

Чувствую на себе ее недоуменный взгляд и на долю секунды ощущаю укол вины, который, впрочем, тут же исчезает. Сейчас мне необходимо вывалить на кого-то свое раздражение, чтобы окончательно не взорваться.

В покер играют на цокольном этаже, в комнате, оборудованной под бар. Именно там я нахожу Диму, да и всех остальных.

– Я написала тебе сообщение, – с укором говорю, подходя к нему. – Почему меня не нашел?

– Телефон в бильярдной оставил, зай, – поясняет Дима и, развернув меня спиной, обнимает за талию. – Смотри, сколько у Андрюхи фишек. Он тут всех делает.

– На деньги играют?

– Ага. – Он запечатлевает ласковый поцелуй на моем виске. – Ставки небольшие совсем, конечно. Никто не разорится.

– Не люблю азартные игры. Недаром же казино запретили. Вопрос времени, когда подсядешь и все проиграешь.

– Не всегда. Брата Робсона, двоюродного, помнишь? Алика? Он лет десять играет в интернете и огромные деньги зарабатывает. Там нет ничего общего с азартом, это его профессия. Математический расчет и стратегия, как в шахматах.

Мозг отказывается воспринимать такую информацию. Покер как профессия? Звучит как минимум странно. А Адиль? Он занимается этим так же, как брат Роберта, или страдает игровой зависимостью?

– Все равно... – бормочу, нахмурившись. – Я против азартных игр.

– Ты, блядь, заколдованный что ли, Андрюха, я не пойму? – взвывается шутливо-возмущенный голос Роберта. – Третий стрит за игру!

Я напрягаюсь всем телом, потому что в этот момент в дверях появляется Адиль. На нем наконец-то нет кепки, и теперь заметно, что волосы стали гораздо короче, чем раньше. Сейчас и не скажешь, что когда-то они завивались.

– Бро! Адиль! – с энтузиазмом восклицает Роберт. – Садись за стол, а? Вынеси этого везучего ушлепка!

Все, включая Андрея, смеются, Адиль же отрицательно качает головой.

– Я пас. Говорил же, что на интерес не играю.

Я не могу не смотреть в его сторону. Не знаю, что это: его энергетика, дефект моих глазных мускулов или необъяснимая магия, но взгляд по-прежнему прилипает к нему, словно намагниченный, хотя Адиль давно меня не интересуется.

Ведет он себя совершенно буднично, будто не у него совсем недавно был секс. Глядя на него, даже можно подумать, что происходящее в спальне мне привиделось. Наверное, поэтому гнева и обиды больше нет.

– Он тоже в интернете играет, – снова подает голос Дима, подразумевая, что я пойму, о ком идет речь. – Какое-то даже место приличное имеет в рейтинге российских игроков.

От меня не укрывается отсутствие неприязни в его голосе, поэтому машинально поворачиваюсь, чтобы взглянуть на его лицо.

– Говоришь почти с восхищением.

Дима слегка морщится.

– При чем тут восхищение, зай? Просто констатирую факт. Чувак взял и на покере поднялся, хотя все были уверены, что он либо сопьется, либо сторчится.

Я ровным счетом ничего не понимаю. В последний раз, когда Дима и Адиль находились в одной комнате, они хотели друг друга убить, а сейчас Дима практически делает ему комплимент.

– Короче, я выхожу на хер. – Это снова Роберт. – Никаких нервов не хватает. Димас, зайдешь вместо меня?

Я резко поворачиваюсь, чтобы продемонстрировать свое неодобрение, и натываюсь на прищуренный взгляд Адилья, который, впрочем, моментально перебирается на Диму. Ярко-очерченный рот иронично кривится.

– Садись, чего ты. Эти трое играть вообще не умеют, а у Андрюхи все карты на лице написаны.

За столом прокатывается раздраженное бормотание. Вот поэтому с Адилем мало кто близко общается. Ему ничего не стоит озвучить вслух то, что принято говорить за спинами.

Я же снова ощущаю недоумение. Он обращается к Диме, но в тоне тоже нет враждебности. Он скорее приятельски-шутливый.

– Да не-е-е, покер – это мимо меня, – непринужденно отвечает Дима. – А Андрюху я в воскресенье в футбол разделаю.

– Разделаешь, ага, – со смехом фыркает Андрей.

У меня голова идет кругом. Что происходит? Ничего не понимаю.

– И что это было? – спрашиваю уже после, когда мы с Димой, оставив импровизированное казино, перемещаемся на диван в гостиной.

Он в недоумении вскидывает брови:

– Ты про что, зай?

– Про тебя и Адилья. Вы когда успели так подружиться? Насколько я помню, в последнюю встречу вы убить друг друга были готовы.

– Про подружиться ты, положим, преувеличила. – Издав смешок, Дима гладит мои волосы. – Мы же с ним виделись после этого и нормально пообщались. Оба бухие были – с кем не бывает. Он за матерью вернулся ухаживать. На ноги ее поставит и опять уедет. Долго терпеть не придется.

Адилья скоро уедет? Тогда для чего сказал, что никуда не собирается? А впрочем, это не мое дело. Слишком много мыслей о человеке, который безвозвратно остался в прошлом.

– Пойдем спать? – Потеревшись носом о его щеку, я встаю и тяну Диму за собой. – Вставать рано.

Дима не сопротивляется и, поднявшись с дивана, идет следом. С ним мне комфортно: он редко спорит и мои желания для него в приоритете.

* * *

– Люблю тебя, – хрипло стонет Дима, толкая на себя мои бедра. – Ты такая узенькая там... Такая мокрая...

Я закрываю глаза, отчаянно стараясь не сбиваться с правильного настроения. Призраки Адилья и той стриптизерши все еще присутствуют здесь, хотя наша постель и выглядела нетронутой. Разве не странно заниматься здесь сексом после них? Него? Мысли... Мысли... Они мешают. Некстати вспоминается, что в постели Адилья почти не разговаривал. За него говорили прикосновения. Секс был зеркалом наших отношений: всегда на грани эмоций, всегда в миллиметре от взрыва.

– Ты кончила?

Зажмурившись, мотаю головой. Обычно у меня нет проблем с развязкой, но сейчас никак не получается ее ускорить. Чувствую, что Дима близко, но сдерживается ради меня, поэтому спустя пару минут, сжалившись над ним, впервые симулирую оргазм.

– Воду забыли взять. – Облизав пересохшие губы, я нащупываю на кровати сброшенные пижамные шорты. – Схожу. Тебе взять?

Дима лениво качает головой. От сна его отделяют какие-то несколько минут. После секса он всегда быстро засыпает.

Натянув футболку, я выскальзываю за дверь. В доме тихо, лишь с цокольного этажа доносится приглушенная вибрация мужского разговора. Часть гостей разъехалась, часть – успела лечь спать.

Помня, что вода есть в холодильнике, я захожу на кухню и вздрагиваю всем телом. За столом, глядя в телефон, сидит Адилья.

– Я за минералкой, – смущенно бормочу, когда он поднимает глаза.

Еще никогда мое тело не было настолько чувствительно к тому, что на нем надето. Отчетливо ощущаю участки кожи, которых касаются края коротких хлопковых шорт, чувствую, как футболка трется о напряженные после секса соски.

Выдернув воду с боковой полки холодильника и крепко зажав ее в руке, я разворачиваюсь. Взгляд Адилья покидает экран телефона и, небрежно царапнув мою грудь, спускается на ноги.

– Что, стриптизерши не хватило? – огрызаюсь я, быстро шагая к дверям кухни.

– Все еще зациклена на мне.

Вспыхнув, стискиваю зубы. Это был не вопрос. Утверждение. Просто слов нет... Вот это самомнение. С чего он взял?

Повернувшись, но не глядя на него, я холодно выплевываю:

– Ты сегодня наглядно продемонстрировал свой уровень. Выше тебе не светит.

Выйдя из кухни до того, как смогу услышать ответную колкость, влетаю прямым в Роберта.

– И куда это мы такие резкие бежим? – усмехается он, ловя меня за плечи.

– Подальше от твоего пьяного друга, – буркаю я, отчего-то начиная злиться и на Робсона тоже.

– Адиля? – Роберт непонимающе смотрит поверх моего плеча. – Ты что-то путаешь, зайчонок. Он вообще не пьет.

11

– Ты же в сорок шестую, девушка? – Старушка лет семидесяти взирает на меня с недоверием. В ее морщинистой руке зажата свернутая вдвое газета, в ногах их стоит целая упаковка.

– Да, туда, – подтверждаю я и для чего-то демонстрирую пакет с продуктами, купленными для отца.

– Письмо передай Сергею тогда. – Она впихивает мне в руку длинный бумажный конверт с банковским логотипом и, сощурившись, шарит выцветшими глазами по моему лицу. – Ты ведь дочка его, да?

– Да, я его дочка. Письмо передам. Газету давайте тоже.

Забрав почту, я продолжаю свой путь на нужный этаж, избегая по узким лестничным пролетам, пропахшим кошачьей мочой и старостью. Когда приезжаю сюда, невозможно всякий раз не дивиться контрасту этого места с теми, в которых я привыкла находиться сейчас: будь то квартира Димы либо моя собственная. Часть входных дверей до сих пор обиты дерматином, пересеченным проволочными ромбами, а на старой потолочной побелке виднеются обожженные пятна – следы вандализма десятилетней давности.

Ткнув в звонок, по привычке разглядываю выпуклую линзу глазка, чтобы скрасить ожидание. Сюда я приезжаю примерно раз в два-три месяца проведать отца, предварительно купив продукты в ближайшем супермаркете: сыры, колбасы, фрукты и что-то сладкое – то, что он вряд ли купит себе сам. Обычно провожу у него от силы час – на большее нас обоих не хватает. Отец и без того не был чересчур общительным, а ушедшие годы и его нездоровый образ жизни и вовсе растащили нас по противоположным углам.

– Привет. – Я переступаю порог тесной прихожей, привыкая к спертому, пропахшему дешевым табаком воздуху. – Это тебе... Там торт к чаю. Сказали, сегодняшний, свежий.

Отец забирает пакет и неловко переминается с ноги на ногу в ожидании, пока я избавлюсь от туфель.

– Я чайник поставил, – звучат его первые слова под удаляющееся шарканье истертых домашних тапок. – Ты же будешь?

– Буду конечно, – отвечаю я, шагая за ним следом.

Кажется, за прошедшее время отец сильнее похудел.

А в остальном с того момента, как я была здесь в последний раз, больше ничего не изменилось. Тот же чайник, потемневший от нагара, та же клеенчатая скатерть, испещренная множественными порезами от ножа. Каждый раз надеюсь, что у отца кто-то появится, и эта мрачная квартира наконец обретет уют.

– Тут еще колбаса и сыр. – Один за другим я выкладываю продукты на стол и оглядываюсь в поисках разделочной доски. – Давай порежу? Ты обедал уже?

– Суп сварил с утра. Поел.

Кашлянув, отец лезет в дальний ящик за чашками.

Спустя пару минут мы сидим друг напротив друга. На доске лежат приготовленные мной бутерброды, в пластиковой миске – помытые виноград и бананы, а над столом висит тишина.

– Как на работе дела? – наконец спрашиваю я, крутя в руках нагретую кипятком кружку.

Отец щедро насыпает в чашку сахар и, так и не размешав, делает шумный глоток.

– Нормально всё. Работаем.

Я очень хочу, чтобы наша беседа хотя бы раз прошла непринужденно, но понятия не имею, что для этого нужно сделать или сказать. Отец уже несколько лет работает охранником на производстве. О чем его расспрашивать? О графике дежурства в новогодние праздники?

– А я ремонт почти закончила. Осталось шторы повесить. Потом фотографии тебе покажу.

Отец кивает. Он тоже не знает, что спросить. Иногда я задаюсь вопросом, для чего вообще сюда приезжаю. Мы почти не разговариваем, и кажется, оба мучаемся невозможностью заполнить повисающие паузы.

Я, конечно, знаю ответ и причины, по которым буду приходить снова и снова. Кроме меня, у отца больше никого нет. А еще в детстве я очень его любила.

Ах, как я его любила! Он был для меня всем. Пусть простит меня мама, но мои чувства к ней не шли ни в какое сравнение с любовью к отцу. Он виделся идеалом человека, образцом силы, порядочности и мужественности. Тем, кто мало говорит, но много делает, и даже если внешне никак не проявляет чувств, то в глубине души непременно очень нас с мамой любит.

Я всегда сильно переживала, когда они с мамой ругались из-за его пьянства и речь заходила о разводе. Потерять папу было для меня самым страшным кошмаром, и по ночам я часто молила невидимые силы сделать так, чтобы он не пил. Даже винила в его алкоголизме себя. Создала свои ритуалы, которым необходимо было следовать, чтобы в отношениях родителей все было хорошо. Например, заправлять кровать определенным образом, зашнуровывать обувь, начиная с левой ноги, а не с правой. Невозможность что-то исправить мучительна в любом возрасте, и так я создавала иллюзию контроля над ситуацией. Разумеется, безрезультатно.

– Замуж еще не собралась? – Взгляд отца, упрямо опущенный на стол, выдает его дискомфорт из-за необходимости задавать такие вопросы. – У тебя же был парень какой-то.

– Дима, – подсказываю я. – Мы два месяца живем вместе. Замуж пока не собираюсь.

– Ясно. – Отец тянется к доске и быстрым вороватым движением берет бутерброд. Смущается. – Мать как? Нормально?

– Всё хорошо. Тебе привет передавала.

Вранье. Ничего она ему не передавала. Несмотря на почти пятнадцатилетний брак, маме удалось полностью вычеркнуть бывшего мужа из своей жизни. Если она когда-то о нем и упоминала, то всегда называла отстраненным «твой папаша».

Ничего не ответив, отец молча жует. Да, он сильно постарел: запали щеки и голова почти полностью седая, хотя лишь в следующем году ему должно исполниться пятьдесят.

Поэтому я не люблю к нему приезжать. После еще несколько дней мучаюсь вопросами, как бы все могло у него сложиться, если бы не... Почему-то до сих пор кажется, что в моих силах было что-то изменить. Почему-то я все еще чувствую свою вину за то, что его жизнь не сложилась.

– Ремонт не хочешь сделать в ванной? – спрашиваю я, когда стою в прихожей обутая и готовая попрощаться. – Стены бы неплохо покрасить, а то краска облупилась. И унитаза давно пора поменять.

– Сделаю, как выходные будут, – покорно соглашается отец, глядя мимо меня.

Я нащупываю за спиной ручку и отступаю назад, но потом, передумав, делаю шаг к нему и коротко обнимаю. На мгновение даже кажется, что я чувствую забытый запах безусловной любви родом из детства.

– Пока, – шепчу, перед тем как выйти за дверь.

Просто показалось. Там ничего нет, кроме запаха несвежего тела и табачного смрада.

По лестнице я почти бегу. Хочется поскорее очутиться на улице, чтобы вдохнуть свежего воздуха. А вдохнуть воздуха хочется для того, чтобы перестали течь слезы.

Я настолько увлекаюсь своим бегством, что в распахнувшихся подъездных дверях с размаху влетаю в человека. Вместе с этим еще один фантомный запах врезается в память подобно сверлу.

– Давай аккуратнее, – звучит низко и тягуче. Так, будто этими двумя словами говорящий делает мне огромное одолжение.

12

– Извини. – Отступив, я отвожу глаза в попытке спрятать свою минутную уязвимость. Сердце бешено грохочет, мечутся мысли. Почему он здесь? Почему именно в это время, в этом подъезде?

Дурацкая мысль, что Адиль за мной следил, проносится в голове и бесследно улетучивается. Это исключено. Слишком сложно для него. Да и зачем?

Надо что-то спросить. Не делать же вид, что мы совсем друг друга не знаем.

Быстро мазнув пальцами по влажным щекам, я поднимаю глаза. На лице Адилья нет ни единой эмоции, будто наше столкновение в этом доме – обыденность.

– А ты здесь... – Я нервно одергиваю сумку. – Что ты здесь делаешь?

– К матери приехал, – не слишком приветливо отвечает Адиль, глядя поверх моего плеча с неприкрытым намеком. Хочет поскорее пройти.

– Она ведь у тебя не здесь жила. А что с другой квартирой?

– Той квартиры больше нет. Теперь она живет здесь.

Своими холодностью и лаконичностью Адиль умеет уничтожить все шансы на продолжение разговора. Что я ему сделала? Зачем он так? Это же обычные вопросы.

Ответ ударяет по мне своей сокрушительной простотой так внезапно, что хочется вздрогнуть. Да ведь Адиль всегда был таким – нелюдимым и необщительным. Это в отношениях он делал для меня исключение, но никаких отношений между нами уже нет.

– Ясно, – тихо роняю я, делая шаг в сторону, чтобы его пропустить.

Собственное открытие обескураживает. Адиль не пытается быть враждебным. Он ведет себя со мной как с посторонним человеком – вот в чем дело. Для чего искать подтекст?

Вместе с этой мыслью внутри становится пусто и серо. Еще минуту назад наше прошлое бурлило кровавыми красками, а сейчас вдруг поблекло. Если Адилью все равно, то и мне пора отпустить. Отпустить насовсем и перестать на него злиться.

– Маме привет, – последнее, что я говорю перед тем, как выйти за улицу.

Адиль ожидаемо ничего не отвечает.

* * *

Мне приходится постоять на крыльце, чтобы прийти в норму. Чувствую себя жалкой слабохарактерной дурой. От нашей встречи на лице Адилья ни один мускул не дрогнул, у меня же мысли свернулись в клубок и неконтролируемо дрожат руки. «Самой-то не обидно, – спрашиваю себя, – что счет настолько неравный?»

Хватит. Пора возвращаться в квартиру, к Диме. Приготовлю ужин, выберу кино на вечер и приму ванну. Теперь мой дом там. Не здесь.

С такими мыслями я собираюсь вызвать такси, но вместо телефона рука, нырнувшая в сумку, нащупывает конверт. Тот самый, что старушка-почтальон просила передать отцу. Вздохнув, воздеваю глаза вверх. Едва ли я приеду сюда раньше, чем через месяц. Нужно отдать сейчас.

Один за другим минуя лестничные пролеты, пока не застываю на четвертом этаже при виде следующей картины: Адиль, упершись взглядом в пол, раз за разом упрямо выжимает звонок рядом с серой железной дверью. Что он делает это давно, понятно по его позе: она скованно-напряженная, как у человека, потерявшего терпение.

«Блядь, а... – раздается сдавленный шепот. – Ну еб твою мать».

Я стою без движения, не имея ни малейшего понятия, что делать. Почему он не может попасть внутрь? Нет ключей? Боится, что с его матерью что-то случилось?

– Не открывает? – тихо спрашиваю я. – На сотовый пробовал звонить?

Вижу, как раздраженно напрягаются его скулы, еще до того, как Адиль ко мне поворачивается. Ему не нравится, что я стала свидетелем его слабости. В таком случае у нас один – один, ведь несколько минут назад он видел мои слезы.

И нет, я не собираюсь испытывать вину за то, что не прошла мимо. Любой нормальный человек остановился бы.

– Замок изнутри закрыт, – нехотя отвечает Адиль, глядя сквозь меня. – Сотовый она не берет.

– Домашний телефон есть? – наобум задаю вопрос.

– Есть. Но я его не знаю.

– Надо спросить у соседей.

Не дожидаясь одобрения, я делаю решительный шаг вперед и звоню в квартиру слева. Не ради Адилья, а ради его матери. Любой на моем месте поступил бы так же.

Обшарпанную деревянную дверь открывает старик в мешковатых серых брюках и дырявой футболке. Мне едва удастся не поморщиться от дуновения спертого воздуха, пропахшего мочой.

– Вы знаете домашний номер вашей соседки? – громко, почти по слогам говорю я, чтобы он наверняка услышал. – Она не открывает. Мы волнуемся.

– Гули, что ли? – не слишком приветливо переспрашивает старик и, получив мой утвердительный кивок, исчезает.

Я гипнотизирую взглядом открытую дверь, воспринимая ее как знак, что сосед согласился нам помочь. На Адилья не смотрю – так проще.

– Открывай! – без прелюдий звучит из кулуаров квартиры. – Да кому ты нужна! Сын к тебе пришел.

– Спасибо большое, – от всей души благодарю я, когда старик вновь появляется на пороге.

– Откроет сейчас, – сообщает он уже более миролюбиво. – Голова у нее совсем плохо варит. Мерещится, что за ней сектанты охотятся.

Резко обернувшись, я впиваюсь взглядом в Адилья, который все это время, не произнося ни звука, продолжает сверлить взглядом дверь. Я правильно поняла? У его матери помутился рассудок?

В груди тоскливо скребет. Сколько ей? Едва ли намного больше пятидесяти. Ее я видела лишь однажды – случайно столкнулись в супермаркете, где мать Адилья работала кассиром. Если бы Адиль нас не представил, я бы никогда не поняла, что та невзрачная худощавая женщина – его мать. Внешне они совершенно не похожи.

Задать ему вопрос мешает звук проворачиваемого замка. Звонок соседа не прошел даром – через пару мгновений на пороге появляется женщина, замотанная в цветастый махровый халат. Распущенные волосы неряшливо разбросаны по плечам, взгляд бегающий. Да, это она. Мама Адилья.

– Я думала, они пришли... – начинает тараторить она, с мольбой глядя на сына. – В прошлый раз тоже приходили. У тебя ведь ключи были, улы... Пожалуйста, никому их не давай...

– Ты снова не тот замок закрыла, – голос Адилья ровный, чуть-чуть приглушенный. – Выломаю его сегодня, чтобы под дверь так больше не торчать.

С ней он говорит по-другому. Терпеливо, как с маленьким непоседливым ребенком. Глядя, как Адиль переступает порог квартиры, в очередной раз думаю, что у нас с ним много общего, гораздо больше, чем нам обоим хотелось. А еще – что мне пора уходить.

– Лейла! – вдруг визгливо вскрикивает мать Адилья, тыча в меня пальцем. – Не стой! Не стой, говорю! Сюда заходи... У меня для тебя подарок есть! Давно хочу отдать...

Я растерянно смотрю на Адиля, который в эту самую секунду выглядит не менее растерянным. Едва ли за столь короткое время он успел овладеть навыками обращения с душевнобольными. Если ими вообще можно овладеть.

– Улы! Улы! – Выпучив глаза, мать дергает его за руку. Ее голос звенит отчаянием, глаза влажно поблескивают. – Лейлу помнишь? Это сестра моя, твоя тетя... Я ее двадцать лет не видела. Она тебя стесняется. Попроси ее, чтобы вошла.

Адиль стоит с каменным лицом, и я могу лишь догадываться, какая буря бушует у него внутри. Что может быть хуже, когда близкий человек перестал быть собой? И не просто близкий. Мать.

Наверное, поэтому позволяю себе еще раз пойти на поводу у эмоций, хотя всего несколько минут назад, стоя на крыльце, дала слово этого не делать. Сочувствие меня затапливает. Шагнув через порог, я захожу в квартиру и захлопываю дверь.

13

Я молча скидываю с ног обувь и, ни на кого не глядя, ставлю на пол сумку.

– Лейла, Лейла... – повторяет мать Адилья как заведенная. – Двадцать лет... Как же долго...

Радует, что истеричных нот в ее голосе уже нет: сейчас он ласковый, певучий. И еще одна обнадеживающая деталь: в квартире нет неприятных запахов, которые стали казаться мне непременным атрибутом этого дома. Полы чистые, зеркало блестит, а поношенные туфли хозяйки аккуратно составлены на обувной полке.

Адиль успел разуться – его кроссовки стоят посреди прихожей. Они новые и навскидку стоят прилично.

Приобняв его мать за плечи, я увлекаю ее за собой в комнату. Действую интуитивно, потому что опыта общения с душевнобольными у меня тоже нет. На Адилья все так же не смотрю. Немой вопрос «Какого хрена ты делаешь?» мне сейчас абсолютно ни к чему. Поступаю так, как чувствую. И вообще, если бы не я, он все еще торчал бы в подъезде, по второму кругу перебирая запас матерных слов.

– Чай будете, апа? – ласково спрашиваю я. – Я бы попила. И Адиль, наверное, тоже.

Говорить получается легко, непринужденно. Сейчас я любимая сестра Лейла, вернувшаяся домой спустя годы, а не чужачка Даша, которую совсем не рад видеть ее сын. И даже уважительное обращение «апа» наконец пришлось кстати. Я выучила это слово больше семи лет назад, но произнести его вслух довелось только теперь.

Обстановка в квартире очень простая: старомодный сервант, потертая софа, стол-раскладушка и дешевый синтетический палас под ногами. На их фоне выделяется телевизор: современный, с большой диагональю, явно купленный недавно.

– Это улым мне подарил, Лейла, – словно подслушав мои мысли, говорит мать Адилья. Улыбка собирает в уголках ее глаз сетку глубоких морщин и обнажает желтоватые, на удивление ровные зубы. – Но ты никому не говори, ладно?

– Ты ела что-нибудь? – громко, немного резковато перебивает Адиль.

Мне чудится, что он злится.

Лицо тети Гули становится задумчивым, словно ей требуется время, чтобы вспомнить. Для старческой деменции, пожалуй, рано. Что это? Альцгеймер?

– Ела, да, – отвечает она не очень уверенно, отчего грудь во второй раз жжет.

По долгу работы с дефектами человеческого организма мне давно пора бы смириться, но пока никак... Да и на работе всё проще, потому что это работа... А здесь так не получается. Всё по живому. Она не помнит, принимала ли пищу, но врет, чтобы не расстраивать сына. Значит, понимает, что с ней что-то не так, а это вдвойне мучительно.

– Давайте пойдём на кухню, – предлагаю я и наконец позволяю себе взглянуть на Адилья.

В моем взгляде в этот момент он может прочесть вызов, но это лишь потому, что я боюсь увидеть его реакцию.

Однако враждебности в лице Адилья нет и раздражения тоже. Есть бледная тень неловкости и заметный отпечаток бессилия. Не знаю, с чем связано последнее: с моим вынужденным нахождением здесь либо с состоянием его матери. Пожалуй, все-таки второе.

– Еда в холодильнике есть? – спрашиваю, понизив голос. Так, чтобы Адилья понял: я обращаюсь именно к нему.

Он кивает:

– Я вчера привозил.

Я тяну тетю Гулю за собой в кухню. Она не сопротивляется, идет с охотой и даже чему-то улыбается. Адилья прямо за нами. Его шагов не слышно, но я почему-то все равно об этом знаю.

– Садитесь, апа, ладно? – Выдвигаю табурет и легонько подталкиваю ее к нему. – Я сейчас на стол накрою.

Открываю холодильник и не удерживаюсь от улыбки. Наличие мужской руки заметно сразу. Сыр в нарезке, оливки, сыровяленая колбаса, куча консервов вроде шпрот и тунца, тайское манго, джемы, соки... Адиль купил все самое дорогое, из чего невозможно что-либо приготовить.

– Надеюсь, здесь тоже никто не против бутербродов, – бормочу я, хлопая шкафами гарнитура в поисках разделочной доски. Опомившись, с опаской оборачиваюсь на Адиля. Не стоит забывать, что я не Лейла, а Даша, и нахожусь в чужой квартире.

Он стоит, прислонившись к стене, руки спрятаны в карманы джинсов. Поймав мой взгляд, едва уловимо кивает, так что становится ясно: все в порядке, Адиль не против.

Я режу хлеб, кипячу воду, завариваю крепкий черный чай, который сразу же разливаю по кружкам. Руки порхают, а на душе почему-то очень светло. Может быть, дело в этой квартире, опрятной и обжитой, или в этой женщине, взирающей на меня с обожанием, пусть и адресованным кому-то другому. Или в Адиле, который сейчас полностью безоружен. А может быть, в том, что по нелепой случайности воплощается в жизнь картина, наброски которой хранились в моей памяти целых семь лет.

– Апа, кушайте. – Я придвигаю к тете Гуле чашку и бутерброды.

– А ты, Лейла? – взволнованно спрашивает она, подняв на меня испуганные глаза.

Сходство между ней и Адилем все-таки есть. Его радужка точно такого же, глубокого шоколадного цвета.

– Тоже буду, – успокаивающе отвечаю я и в доказательство указываю на вторую дымящуюся кружку. – Видите, и чай налила.

Не спрашивая, налила и для Адиля, хотя и не была уверена, что он станет его пить. С другой стороны, почему бы не воспользоваться положением и не спросить? Он, в конце концов, мой должник, даже если так не считает.

– Адиль, ты ведь посидишь с нами? – На моем лице цветет чересчур радушная улыбка. – Твоей маме будет приятно.

Его челюсть раздраженно дергается, однако в глазах я успеваю заметить проблески иронии. Оторвавшись от стены, Адиль со скрежетом выдвигает для себя стул. Улыбку с моего лица не стереть. Так-то, Сеитов. Даже такому, как ты, нужно уметь прятать зубы.

14

– Каждый день в дверь стучат. – Мать Адиля переводит взгляд с него на меня, будто ища поддержки. – Я говорю: «Уходите! Что с меня взять? Я в Аллаха верю». А они все равно продолжают приходить. Что за люди такие... – Ее взгляд становится пустым и стекленеет. – Устала я... Так устала.

– Апа, поешьте. – Я придвигаю к ней блюдо с надкусанным бутербродом и машинально нахожу взглядом Адиля, чтобы увидеть его реакцию.

Он едва прикоснулся к чаю и выглядит так, будто сидит за карточным столом – по лицу невозможно что-либо прочитать. Впрочем, вряд ли нужны подсказки, чтобы понять, насколько ему непросто.

Интересно, где он живет? Здесь? Скорее всего, да. Я бы побоялась оставлять мать без присмотра.

– Апа, зато вы теперь не одна, – напоминаю, коснувшись ее плеча. – Адиль вернулся. Скучали по нему, наверное?

– Очень скучала. – На ее губах снова появляется улыбка, тихая и светлая, как слепой дождь. – Он мне обещал, что придет. Мой улы никогда меня не обманывает.

Повернувшись ко мне, она делает заговорщицкий жест, предлагая придвинуться к ней ближе:

– Деньги, которые он присылает, я под диван прячу, чтобы они не нашли. Если меня все-таки уведут, ты их себе забери. Купишь ковер... Помнишь, ты хотела?

– Мам, ешь давай, – подает голос Адиль, дернув плечами. – Тебе отдохнуть надо и лекарство принять. Сама говорила, что плохо спала сегодня.

Воспользовавшись передышкой, я разглядываю собственные предплечья, густо покрытые гусиной кожей. Господи, как же страшно с таким столкнуться... И ведь нет ни единого шанса повернуть болезнь вспять – разве что замедлить ее течение. Каждый день видеть, как самый родной тебе человек превращается в бледную тень себя – есть ли что-то хуже?

Мать Адиля придвигает чашку и, подув, делает осторожный глоток. Наши с Адилем взгляды встречаются. Знаю, что в моем Адиль видит тонны сочувствия, но скрывать его нет сил. Это ведь не только о нем, но и о ней тоже. Гуля-апа немногим старше моей мамы. Столько хорошего еще могло произойти в ее жизни.

– Нужно поговорить, – произношу одними губами.

Сейчас совсем не время для вражды, но в ожидании его реакции внутри все натянуто в напряжении.

– Потом. – Вот и все, что он отвечает.

– Вы гулять выходите, апа? – спрашиваю я, чтобы не позволить повиснуть молчанию.

– Она предпочитает находиться дома. – Адиль смотрит не на меня, а на мать. – Так ей спокойнее.

– Много народа, – расстроено подтверждает Гуля-апа и отодвигает от себя кружку. Она как-то резко обмякла и сейчас выглядит бесконечно уставшей. Может быть, это действия лекарств, о которых упоминал Адиль. Наверняка среди них есть нейролептики. – Я пойду полежу немного.

Первый порыв – встать, чтобы довести ее до кровати, но предупредительный взгляд Адиля меня останавливает.

Он поднимается из-за стола сам и, смотря, как мать суетливо смахивает хлебные крошки в ладонь, твердо произносит:

– Пойдем, мам. Оставь. Лейла уберет.

Не то чтобы я против убрать со стола, но не могу не подивиться тому, какой же Адиль... Даже правильного слова не могу для него подобрать. По итогу счет между нами по-прежнему равный. Адиль сыграл против меня моим же оружием.

Они покидают кухню, оставляя меня с горкой недоеденных бутербродов и недопитым чаем. К своему Адиль едва ли прикоснулся.

– А Лейла где спать ляжет? – слышится озабоченное из глубины квартиры.

И следом:

– Не переживай. Что-нибудь придумаем.

Я домываю посуду, когда Адиль возвращается. Волна его взгляда ударяет в спину, заставляя вздрогнуть и неловко выронить мыльную губку.

– Поешь бутерброды, – не оборачиваясь предлагаю я, подставляя дрожащую кружку под струю воды. – Тоже, наверное, голодный.

Почти не сомневаюсь, что он проигнорирует мое предложение, несмотря на то что возращения не следует.

– О чем ты хотела поговорить?

Я выключаю воду, смахиваю тряпкой лужицы на столешнице и только потом поворачиваюсь к нему. Адиль стоит возле противоположной стены, по привычке засунув руки в карманы. По его лицу и не скажешь, что он заинтересован или чего-то ждет. В умении демонстрировать невозмутимость на грани равнодушия ему нет равных.

– Давно это у нее? – понизив голос, спрашиваю я. – Что вообще врачи говорят?

– Говорят, что ей нужен уход и что нужно пить таблетки.

– Тебе одному тяжело будет справиться. Ей нужен постоянный присмотр.

– Я в курсе.

– Я могу попробовать поискать сиделку... Поспрашивать у себя на работе.

Говорю и осекаюсь. Сиделка даже на полдня – удовольствие не из дешевых. Откуда мне знать, может ли Адиль себе это позволить.

– Здесь была одна тупорылая, которая дозировку лекарств перепутала. У матери чуть сердце не остановилось.

По тому, как наливается чернотой его взгляд, я понимаю, что Адиль все еще в бешенстве. Здесь я полностью на его стороне. Даже думать не хочу о последствиях подобной халатности.

– Она хотя бы живая отсюда ушла? – пытаюсь пошутить я, чтобы немного разрядить обстановку.

– Пендалями спустил с лестницы, – звучит без толики юмора.

Ко мне возвращается забытое желание тряхнуть Адила за плечи, чтобы заставить смотреть на меня с живым интересом. Он будто огражден невидимым стеклянным колпаком, через который невозможно пробиться. Отвечает так, будто погружен в собственные мысли и мы с ним едва знакомы.

– В общем, спрошу, – заключая я и, помявшись, спрашиваю: – Ты здесь остановился, я так понимаю?

Адиль кивает. Как же с ним непросто! Но сейчас не получается его обвинять. Я выйду за дверь и вернусь в нормальную жизнь, а ему в одиночку придется нести это бремя.

– А у меня отец здесь живет, – говорю я ни к чему. – Я его раз в пару месяцев навещаю.

Еще один кивок, означающий, что Адиль до сих пор помнит. Мы как-то приходили с ним сюда. Он тогда едва не разбил отцу лицо, потому что тот, будучи в подпитии, обозвал меня малолетней шалавой.

– Он больше не пьет, – зачем-то добавляю я. – Почти. Странно, да, что он и твоя мать теперь живут в одном доме и в одном подъезде?

Адиль переставляет ноги и глубже засовывает руки в карманы.

– Совпадение.

Я чувствую, что на этом все. Вымучивать разговор можно еще долго, но стоит ли оно того? Про себя решаю, что попрошу у заведующего отделением контакт хорошего невролога и разыщу надежную сиделку. Если уж Адиль пригласил одну, значит, деньги у него есть.

– Ладно, я пойду. – Забираю со стола телефон и, не удержавшись, снова смотрю на Адила. – Уточню по поводу врача и скину тебе контакт... В этом деле лучше иметь мнения нескольких специалистов. Могу передать через Робсона. У меня ведь нет твоего номера.

– Он тот же.

Нервы за секунду превращаются в натянутую тетиву и звенят. Даже дышать становится сложно.

– Тот же я удалила.

Обогнув Адила, быстро иду в прихожую. Спокойнее, спокойнее. Только что ведь все в порядке было? Дыши.

Он выходит следом и молча наблюдает, как я обуваюсь.

– На машине?

Я мотаю головой.

– Такси.

Тяжелый вздох, пауза, которая будто бы призвана что-то решить. Звяканье ключей, шорох надеваемой обуви.

– Пошли. Отвезу.

15

Я ужасно слабохарактерная, ну или просто дура, если, не сказав ни слова возражения, сажусь в его машину. Да, тот пыльный мерседес действительно принадлежит Адилю.

Внутри он не такой грязный, как снаружи, хотя и стерильной чистотой, какая обычно царит в салоне Диминого порше, похвастаться не может: на полу валяется пустая банка от колы, на консоли – ворох чеков. Это я, конечно, придираюсь. Не всем же быть помешанными на чистоте.

– Адрес скажи.

Тон Адиля не назовешь дружелюбным, но и враждебным – тоже. Для человека, который не утруждается быть милым, он скорее нейтральный.

Я называю нужную улицу и только потом осознаю, насколько это отвратительная идея – приехать на машине бывшего парня к дому, где живешь с настоящим. Дима, скорее всего, уже вернулся из офиса, и если увидит нас с Адилем, то в восторг не придет.

«Идиотка», – бормочу я, накидывая ремень безопасности. Ведь даже попытки не предприняла отказаться. Боялась обидеть, да? И главное, кого? Адиля, который не привык заботиться о чувствах других.

Дорога проходит молча – даже музыка не играет. Он снова выглядит так, будто погружен в свои мысли, смотрит только на дорогу. Я впервые вижу Адиля за рулем. Когда мы встречались, у него не было машины. Ведет расслабленно, не торопясь. Странно даже. С его взрывным характером он бы запросто мог устраивать гонки на светофорах и сжигать покрышки.

– Тебе идет этот автомобиль, – все-таки не удерживаюсь я от комплимента. Невыносимо постоянно молчать.

– Долго не выбирал, – отзывается он.

Я рассматриваю серебристую воронку воздухозаборника и, непроизвольно сжав колени, решаюсь. Снова выбрасываю белый флаг.

– Я рада, что у тебя все хорошо.

Адиль не отвечает, продолжая смотреть на дорогу, отчего мой сентиментальный настрой моментально трансформируется в растущую злость. Хотя это и не злость даже, а непонимание, бешенство, потребность орать на него и сыпать обвинениями.

Зачем тогда вызвался до дома везти, если даже отвечать не хочет? Язык отсохнет от простого «спасибо»? Он же любил меня когда-то, я точно знаю. Сам признался однажды, когда я повисла на нем: «Скажи да скажи». «Знаешь же, что люблю» – вот так он мне ответил. Ох, какая я была счастливая в тот день! Да и в последующие несколько. Каждое его нежное слово ловила, как волшебную пыльцу, и потом подолгу ей любовалась. Адиль всегда был скуп на слова, но его поступки о многом говорили: как он в толпе на концерте людей расталкивал, чтобы меня кто-нибудь, не дай бог, не задел, или как хотел меня в любой момент и в любом месте. И после секса мог подолгу на меня смотреть, лежа рядом. Было и много других подсказок, но вспоминать их не имеет смысла.

– Меня вот здесь, – киваю я на подъезд справа.

Адиль дергает ртом в скрытой усмешке, и в этот момент я точно знаю, что послужило тому причиной. Рядом с крыльцом припаркован автомобиль Димы. Ярко-синий, блестящий и идеально чистый, он сразу бросается в глаза.

Следом раздается телефонный звонок. На экране Димин номер. Я не раз замечала, что у Димы будто есть встроенный датчик на опасность. Наверное, это неконтролируемая ревность обостряет интуицию.

Я быстро прикладываю трубку к уху и, выпалив: «Я подъехала. Буду через минуту», сбрасываю вызов. Дима обязательно начнет задавать вопросы, предпочту ответить на них лично.

Адиль задумчиво смотрит вперед, кисть переброшена через колесо руля.

– В общем, по поводу врача я узнаю, – неестественно бодро говорю я, попутно запихивая телефон в сумку. – Не исключаю, что нужно будет привезти маму на осмотр. Так будет лучше, поверь... Возможно, ей скорректируют дозы препаратов. И проверенную сиделку тоже найду. У нас хорошие девочки есть...

Он поворачивается, смотрит мне в глаза. За семь лет Адиль либо разучился чувствовать, либо в совершенстве овладел умением держать лицо. В его взгляде я ничего не могу разглядеть, кроме разве что серых теней.

И не выдерживаю. Ему всегда удавалось выводить меня на эмоции, да и день выдался непростым.

– Какого черта ты все время молчишь? – в отчаянии шиплю я. – Неужели за столько времени совсем нечего сказать?

Тени в его глазах сгущаются, в них даже появляется блеск.

– Чего ты услышать хочешь? Ты живешь... – Адиль делает кивок головой, указывая на синий бампер порше, – Вот и живи, не дергайся.

Я презираю себя за то, что буря, бушующая внутри, слишком схожа с бурей семилетней давности. Только семь лет назад я могла завизжать и наброситься на него с кулаками, а сейчас не имею права. Но эмоции почти те же, и это угнетает. Я все-таки дура, если подумала, что сегодня между нами что-то изменилось.

– За мою жизнь можешь не переживать. У меня всё отлично. Просто понять пытаюсь, почему ты тогда так поступил.

– Захотелось сменить обстановку, – безлико отвечает он, дернув ладонью, свисающей с руля. – Достаточная причина?

Я сглатываю сухое жжение в горле, которое за секунду заразило собой грудь. Равнодушие Адилья способно иссушить все вокруг.

Приходится прочистить горло, чтобы не говорить шепотом.

– Тогда этого было недостаточно. Теперь, думаю, вполне.

По крайней мере, этот диалог избавляет нас от необходимости вежливо прощаться. Хватит и того, что я не буду оглушительно хлопать дверью.

– Даш, это что было, а? – Дима, встречающий меня в дверях, смотрит возмущенно. – Почему ты вышла из его машины? Ты к отцу ездила или куда-то еще?

Не глядя на него, сбрасываю с ног обувь и роняю на пол сумку. Туалет. Да, мне нужно туда. Там есть замок, а замок означает уединение.

– Я все объясню, ладно? – бормочу, сфокусировавшись на спасительной двери. – Просто дай мне минуту.

16

– Бывший твой будет сегодня, не в курсе? – ехидничает Дима, помогая мне выйти из машины. – А то что-то его мерседеса не видно.

Я закатываю глаза, больше не пытаюсь прятать раздражение. Он никак не может забыть, что Адиль довез меня до дома. Я готова была терпеть его подначивания первые пару дней, но точно не спустя неделю.

– Сейчас проверю телефон. Наверное, пропустила сообщение о том, что он опаздывает.

Дима зло дергает челюстью, вызывая во мне почти садистское наслаждение. Его патологическое чувство собственности – недостаток, который порой сводит с ума. Сам того не подозревая, Дима лишает свой образ того сияющего мужского благородства, которое однажды меня в нем так сильно подкупило.

– Не смешно, зай, – сухо изрекает он, но за талию все же обнимает.

Мы приехали в гости к Роберту, закрывать сезон шашлыков, а ссориться при друзьях Дима не любит.

– Уже давно не смешно, так что предлагаю на этом остановиться. Еще один намек на тот случай, и я уеду ночевать в свою квартиру.

– Не начинай, а? – примирительно ворчит Дима. – Тоже моду взяла: чуть что, грозить отъездом.

В этом он прав. Этот эффективный способ давления на него я нещадно эксплуатирую при каждом удобном случае. Не нужно подбирать слова, не нужно стараться быть убедительной и вступать в долгоиграющую полемику. Небольшой шантаж – и цель достигнута. От такого сложно отказаться.

У ворот нас по обыкновению встречает гостеприимный Роберт. Пожимает руку Диме, обнимает меня, добродушно шутит.

– Что, Дашуль, сегодня пациенты без ангела-хранителя остались? Ну и ладно. Зато, как белые люди, со всеми в баню пойдете.

За столом в беседке сидит вся наша компания. Мы с ребятами из тех счастливичков, что за годы не потерялись, и в этом огромная заслуга Робсона. Друг с другом мы знакомы еще со школы, но собрал нас вместе именно он. Меня, например, везде таскал с собой и представлял всем как младшую сестренку. Именно этот статус много раз ограждал меня от посягательств местных гопников: Роберта любили и уважали все, кто его знал. Даже Адиль.

Его, кстати, сегодня действительно нет, и по этому поводу мне стоит испытывать облегчение. Контакт сиделки и информацию о консультации у невролога я передала через Роберта. Номер телефона Адилья не стала узнавать принципиально – после нашей последней беседы это бы сошло за мазохизм.

– Сегодня без покера? – Дима кивает на стол, где между пивом и закусками разложены карточки «Монополии».

– Ну так главного покериста сегодня нет, – то ли в шутку, то ли всерьез оправдывается Роберт, забирая из рук Ани открытую бутылку. – Вот Сеня настольные игры и предложил.

– А что он так? Пришлось срочно отлучиться в казино?

Я мечу раздраженный взгляд в Диму. Да сколько можно? Он даже не пытается скрывать свой сарказм.

К счастью, Роберт не поддерживает его настрой и, пожав плечами, отвечает так, будто ничего не заметил:

– Не знаю. Я ему предлагал приехать, но он отказался.

– Может, матери хуже стало, – подает голос Сеня, не поднимая глаз от разложенных перед ним карточек. – У нее лютый пиздец с головой.

– Я тоже слышал. – Это уже Андрей. – Жопа, конечно. И никуда ведь не денешься. Мать. Он у нее живет походу, да?

Я стискиваю себя руками. Перед глазами встает лицо мамы Адиля, ее бегающие глаза и рассеянная улыбка. «Лейла, если меня все-таки уведут, забери деньги и купи ковер. Ты же хотела».

– Вроде да.

– Ну ладно, зато у него тачка наконец-то появилась. – Поместив карточку на нужное поле, Андрей издает трескучий смешок. – Если совсем тяжело будет, сможет в ней переночевать.

Меня словно отхлестали по щекам – так сильно они вспыхивают. Семь лет назад каждый, кроме, пожалуй, Робсона, считал нужным ковырнуть Адиля за то, что у него не было машины. В нашей компании со временем они появились у всех, и это как-то само собой стало негласным атрибутом крутизны и успеха.

Воспоминания накатывают как волны остывающего по осени моря: леденят ступни, заставляют ежиться и покрываться мурашками. «Давай до дома тебя подвезу, – предложил как-то Артур, когда мы всей толпой вышли из кальянной, и тут же с усмешкой спросил: – Или тебя Адиль пешком встретит?

Не передать, как было неприятно. Это услышали все. Только разозлилась я тогда не на бестактность Артура, а на Адиля. Мне тогда девятнадцать было – возраст, когда хочется быть не хуже, чем остальные. Сеня на четвертом курсе у отца на фирме стал работать и зарабатывать первые деньги, Робсон точку по ремонту сотовых открыл, которая тоже начала приносить доход. Артуру родители первую машину еще в восемнадцать подарили, а у Андрея мать областным депутатом выбрали, и с тех пор проблем с деньгами у него не было.

Адиля я тогда, конечно, дождалась, но всю дорогу до дома с ним не разговаривала. И когда он, не выдержав, рявкнул: «Блядь, скажи уже, в чем дело?», вылила на него все. Как стыдно перед друзьями за то, что я единственная, кому приходится ходить пешком, и что в кальянной пришлось сидеть одной, потому что у него не бывает денег, чтобы со мной ходить...

– Хорошо, что у твоей матери с головой все в порядке, да, Андрей? – чеканю я не своим голосом. – А то кто бы тебе тендеры на строительство выигрывал.

Сердце стучит, к горлу подкатывает тошнота. Кажется, в эту секунду на меня смотрят все. Да и наплевать... А то возомнили себя... Всему же есть предел.

– Зай, ты чего? – Дима обнимает меня, пытаюсь развернуть к себе.

Я уворачиваюсь.

– А что я? Нет, правда интересно. Пусть Андрей расскажет, как ему в двадцать лет удалось купить квартиру на набережной и сделать в ней дорогуший ремонт, не проработав ни дня.

Аня выразительно таращит глаза, всем видом давая понять: «Все, все, хватит».

– У тебя ПМС, что ли, Даш? – зло рявкает Андрей, побагровев от кончиков волос до шеи. – Чего ты, блядь, взъерепенилась?

– Андрюх... – Поморщившись, Дима выставляет вперед ладонь, призывая его не усугублять, и после тянет за локоть меня: – Зай, пошли прогуляемся. Ты чего-то перевозбудилась.

Я позволяю себя увести, потому что прогуляться действительно не помешает и потому что действительно перевозбудилась. Но на ум как-то само собой приходит, что Адиль на месте Димы уже бил бы морду Андрею за одно лишь предположение, что у меня может быть ПМС. Даже странно, что сейчас я думаю об этом без содрогания. Потому что первое время была абсолютно счастлива от того, что Дима привык решать конфликты мирным путем.

17

Дима ласково обнимает меня сзади и, глубоко вздохнув, трется носом о шею.

– Чем это так вкусно пахнет? Омлет?

– С сыром и зеленью, – подтверждаю я, встряхивая сковороду. – Если для завтрака будет мало, то могу сделать еще бутерброды.

– Нет, отлично. Давай кофе сварю. Тебе как обычно с молоком?

Наверное, это со мной что-то не так, раз я периодически к нему цепляюсь. Если бы идеальные люди существовали, то Дима был бы максимально к ним приближен. Он чуткий и умеет заботиться. К примеру, Роберт, при всех его положительных качествах и любви к окружающим, никогда не сподобится сварить для Ани кофе или помочь ей убрать со стола. В его понимании это не мужское занятие. А Дима пожалуйста – и тарелки в посудомойку не поленится убрать, и на готовке не настаивает. Если я устаю, сам предлагает заказать еду на дом. На первый взгляд, это вроде бы мелочи, но именно они позволяют по-настоящему чувствовать себя женщиной.

– Какие планы на сегодня?

Машинально напрягшись, я подношу ко рту чашку с кофе.

– Хочу в ателье брюки сдать и перед работой к отцу заехать.

– К отцу? – Взгляд Димы за секунду теряет благодущие и становится узнаваемо цепким. – Ты что-то зачастила. Неделю назад ведь была.

Хотя ничего особенного он не сказал, нервные окончания оживают, распространяя по коже противный аллергический зуд. Да, Дима прав: так часто к отцу я действительно не езжу, но это не мешает ощущать неконтролируемое раздражение. По изменившему тону, по тому, как пристально он следит за моей реакцией, я знаю, что в данный момент Дима меня подозревает.

– Я уже говорила, что в прошлый раз забыла передать отцу письмо. Возможно, в нем что-то важное, поэтому я решила передать его как можно скорее.

Дима делает нетерпеливый вдох, от которого трепещут его ноздри, – так выразительно он демонстрирует свое отношение к сказанному.

– И что там? – его голос становится насмешливо-саркастичным. – Письмо из Пенсионного фонда или предложение кредитной карты?

– Не знаю, потому что в чужую почту не привыкла заглядывать, – отвечаю ему в тон. – Интересно, с каких пор мне нужно твое одобрение, чтобы съездить в гости к отцу?

– Встречный вопрос: почему твое желание стать образцовой дочерью проснулось, лишь когда в тот же дом переехал твой бывший?

Я чувствую ревушую злость и одновременно самое настоящее бессилие. Злость, потому что, сам того не заметив, Дима фактически назвал меня плохой дочерью. Бессилие – потому что его ревность вымотала. Минуту назад он был самым внимательным и чутким мужчиной на свете, но стоило появиться намеку на потерю контроля, и Дима готов смести все на своем пути.

– Не тебе судить о моих отношениях с отцом. – На эмоциях я резко поднимаюсь со стула, для чего-то зажав в руке чайную ложку. – Твои родители никогда не страдали алкоголизмом, и ты понятия не имеешь, каково это – вытирать блевотину с пола и умирать от страха, когда кто-то по ту сторону двери грозит тебя убить, если посмеешь ему не открыться. Считаешь, тебе известно, какими должны быть нормальные отношения между детьми и родителями? Прекрасно! Вместо того чтобы осуждать меня, позвони своим матери и отцу и поблагодари их за то, что каждую неделю имеешь возможность уезжать от них с улыбкой! А меня судить не смей, ясно?!

Судя по растерянному лицу, Дима уже и сам не рад, что завел этот разговор, однако сразу все равно не сдастся.

– Ладно-ладно, может, я неправильно выразился. Просто странно, что твои визиты к отцу участились именно тогда, когда вернулся Адиль.

Я на секунду прикрываю глаза, чтобы вернуть себе самообладание, а в следующую – грохоча пятками, несусь в прихожую, где лежит сумка.

– Вот! – с хлопком опускаю на стол конверт, адресованный отцу. – Вот ради чего я собираюсь заехать. Не из-за Адиля! Ты теперь каждый раз меня будешь в чем-то подозревать? Потому что он находится в том же городе, что и я? Так давай бросим все и переедем куда-нибудь подальше! На север, например? Инфраструктура там так себе, но зато поводов для ревности не будет. Хотя о чем это я? Ты ведь меня и к оленю готов ревновать!

От учащенных вдохов ломит грудь. Со мной так всегда: если расплывусь – сразу остановиться не могу. Нужно до конца выговориться, а еще лучше – ударить оппонента в ответ побольнее.

– Ну все-все, зай. – Дима встает и, подойдя вплотную, притягивает меня к себе. – Извини.

Я дергаюсь, не готовая так быстро сдаваться, и уворачиваюсь, когда он пытается запечатлеть поцелуй на моей щеке. Что за дурацкая привычка – спровоцировать склоку на ровном месте, а потом попросить прощения, полагая, что все моментально забудется.

– Ты через сколько поедешь туда? – Дима примирительно поглаживает меня по лопатке. – Давай отвезу?

Я моментально обмякаю. Забота очень подкупает.

– Да нет, не нужно. Это ведь тебе придется срываться с работы. Проще взять такси.

На секунду кажется, что отказ не пришелся Диме по вкусу, но я решаю об этом не думать, чтобы окончательно не портить себе настроение.

В итоге спустя полтора часа оставляю в ателье брюки и иду в пекарню по соседству, чтоб купить пирог отцу. Мелькает мысль взять и второй, но потом понимаю, что это лишнее. От квартиры Адиля нужно держаться подальше, как бы ни хотелось проведать его мать. Когда я сказала Диме, что хочу отвезти письмо отцу – именно это и подразумевалось. Ничего больше.

Но стоит выйти из такси возле нужного подъезда, мое внимание приковывает знакомая фигура. Только благодаря окрику водителя не забываю забрать из салона пакет, который моментально вылетает из головы.

Мать Адиля, съжившись, сидит на лавочке, старательно прижимая ладонь ко лбу. Сорвавшись, быстро иду к ней. Конец сентября, я в куртке, а она сидит в халате, из-под которого торчат голые ноги.

– Вы что тут сидите, апа? – Стараюсь не говорить слишком взволнованно, чтобы ее не пугать. – Где Адиль?

Опустив руку, тетя Гуля поднимает на меня рассеянный взгляд, и я с ужасом обнаруживаю, что на ее лбу алеет огромная ссадина. Либо упала, либо врезалась во что-то. Сильно, потому что по лицу течет кровь.

Меня мать Адиля явно не узнаёт: в глазах сплошная растерянность.

– Ты знаешь моего Адиля? – жалобно спрашивает она. – Я его жду. Он за лекарствами поехал.

– Да, я его знаю. Мы с ним... дружим. – Присев на корточки, я сжимаю ее руки. Они ледяные. – Давайте в квартиру вернемся, апа? Здесь холодно.

– Нет, – упрямо мотает она головой. – Адиль сказал, что он недолго. Я буду ждать здесь.

Не имею ни малейшего понятия, почему ее болезнь настолько меня пробирает. Эту женщину я почти не знаю, а с ее сыном мы встречались очень давно. Скинув куртку, набрасываю тете Гуле на плечи. Ну что я за дура. Нужно было взять второй пирог.

18

– А квартиру-то вы закрыли, апа?

Активно переминаюсь с ноги на ногу, старательно подавляя нарастающее лязганье зубов. Я дважды идиотка, потому что не взяла номер Адила. С радостью взяла бы сейчас, да только Роберт не берет трубку.

– Закрыла конечно, – без эмоций отзывается мать Адила, глядя себе под ноги. – Помню, что закрывала... У меня в последнее время голова странная... Не нравлюсь я себе... И Адиль переживает.

Я не знаю, что ей ответить. Слишком больно. Наверное, лучше сойти с ума окончательно, чем застрять между сумасшествием и нормальностью. Потому что нормальность, увы, предполагает способность испытывать бессилие и чувство вины.

– А ты его откуда знаешь? – Тетя Гуля вполне осмысленно фокусируется на мне и одергивает полы куртки. – Моего Адила.

– До его отъезда мы дружили, – не удержавшись от легкой улыбки, отвечаю я. – Потом потерялись.

– Да, он надолго уехал. Но звонил мне постоянно и денег присылал... – Ее взгляд наливадается вызовом, а голос непривычно твердеет: – Он хороший сын.

Я киваю:

– Не сомневаюсь. Адиль очень вас любит.

Тетя Гуля моргает и, будто успокоив себя тем, что я не пытаюсь с ней спорить, снова смотрит вниз. Кровь наконец перестала сочиться из ее раны, бурая дорожка замерла на щеке.

– Ему просто нужно было уехать... Он так мне и говорил: «Эни, мне надо». А я кто такая, чтобы ему указывать? Значит, действительно нужно было... Люди любят языками трепать... Разве он плохой сын, если хотел устроить свою жизнь?

В глазах щиплет так сильно, что я забываю о холоде и дрожи в теле. Да, людям нравится трепать языками настолько, что они не гнушаются ранить любовь матери. А она, конечно, его защищала. Именно поэтому сейчас хочется плакать. Этой женщине приходилось тратить последние силы на тех, кто якобы желал ей добра.

– А вот и улым мой подъехал. – На лице тети Гули расцветает счастливая улыбка, взгляд теплеет. – Я же говорила, что дождусь. Он обещал, что недолго.

Повернувшись, я впиваюсь глазами в черный (ну конечно же. – Прим. автора) седан, остановившийся прямо возле подъезда. Машина преграждает путь пешеходам, но едва ли сейчас Адила можно за это винить. Он выходит из машины, громко шарая дверью, и спешно идет к нам. В руках зажат пакет с логотипом аптеки, означающий, что его мать ничего не напутала. Адиль действительно отлучался за лекарствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.